

ДИСКУССИЯ

*К.М. Антонов, В.В. Ванчугов, Н.И. Герасимов, К.В. Забелин,
А.В. Малинов, М.А. Маслин, В.Н. Порус, В.В. Сидорин,
А.А. Тесля, Н.А. Червяков, А.В. Шиндяпин, М.В. Шпаковский*

Проблемы преподавания истории русской философии в высшей школе

Антонов Константин Михайлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения богословского факультета. Свято-Тихоновский православный университет. Российская Федерация, 127051, г. Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1; e-mail: konstanturg@yandex.ru

Ванчугов Василий Викторович – доктор философских наук, профессор. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, ГСП-1, Ломоносовский пр., д. 27, к. 4; e-mail: vanchugov@gmail.com

Герасимов Николай Игоревич – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник. Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Российская Федерация, 109240, г. Москва, Нижняя Радищевская ул., д. 2; e-mail: nickgerasimow@yandex.ru

Забелин Кирилл Викторович – магистрант философского факультета. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, ГСП-1, Ломоносовский пр., д. 27, к. 4; e-mail: zabelin.k@inbox.ru

Малинов Алексей Валерьевич – доктор философских наук, профессор. Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета. Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5; e-mail: a.malinov@spbu.ru

Маслин Михаил Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, ГСП-1, Ломоносовский пр., д. 27, к. 4; e-mail: mmaslin@yandex.ru

Порус Владимир Натанович – доктор философских наук, профессор. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: vladimir-porus@yandex.ru

Сидорин Владимир Витальевич – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: vlavitsidorin@gmail.com

Тесля Андрей Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель Центра исследований русской мысли. Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. Российская Федерация, 236041, г. Калининград, ул. Александра Невского, д. 14; e-mail: mestr81@gmail.com

Червяков Николай Александрович – аспирант, философский факультет. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, ГСП-1, Ломоносовский пр., д. 27, к. 4; старший научный сотрудник. ГБУК г. Москвы "Дом Лосева". Российская Федерация, 119002, Москва, ул. Арбат, д. 33; e-mail: kola.csk2@mail.ru

Шиндяпин Антон Владимирович – магистрант философского факультета. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, ГСП-1, Ломоносовский пр., д. 27, к. 4; e-mail: shindiapin.anton@yandex.ru

Шпаковский Михаил Викторович – младший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: shpakomih@mail.ru

Предлагаемый материал представляет собой заочную дискуссию о проблемах преподавания истории русской философии в высшей школе. Авторам было предложено ответить на шесть вопросов, отражающих, по мнению редакции, основные проблемные узлы и конфликтные темы вокруг преподавания данной учебной и научной дисциплины:

1. Менялся ли интерес студентов к истории русской философии в последние годы (десятилетия) и, если да, какова динамика и причины этих изменений?

2. Русский философский «канон» (по крайней мере, в широком общественном сознании) выстроен прежде всего вокруг истории общественной мысли с якобы ключевыми тематическими узлами в виде проблемы цивилизационного выбора, русской идеи и т.д., а также софиологии, соборности и ряда иных религиозно-философских концептов; считаете ли Вы необходимым трансформацию/пересмотр «канона» и, если да, как именно он может быть пересмотрен?

3. В историографии русской философии первой половины XX в. были сформулированы специфические характеристики русской философской мысли, плотно укоренившиеся в итоге как в общественном сознании, так и в преподавательской практике – литературоцентричность русской философии, её панморализм, тяготение к историософии, антропоцентризм, главенство религиозной философии и т.д. Не является ли такая «мифология» препятствием для адекватного и актуального восприятия русской философии? Нет ли проблемы в том, что язык современной истории русской философии остаётся во многом языком самоописания русской философии второй половины XIX – первой половины XX в.?

4. Нужно ли актуализировать русское философское наследие, рассматривать историю мысли в связи с современностью, «переводить» философов прошлых веков на язык современной философии? Каковы могли бы быть пути этой актуализации?

5. Видите ли Вы недостаточность системной подготовки историков русской философии в высшей школе – отсутствие специальных курсов (источниковедение, архивоведение, текстология, древние языки, научное комментирование и др.)? Какие ещё изъяны в системе философского образования кажутся Вам наиболее существенными в контексте поставленной проблемы?

6. Какие ещё проблемы и трудности в преподавательской и исследовательской практике, связанной с историей русской философии, кажутся Вам наиболее значительными?

Ответы на эти вопросы могут прояснить и наметить пути развития как преподавания истории русской философии, так и в целом отечественного историко-философского сообщества. К дискуссии присоединились не только ведущие специалисты по истории русской философии (МГУ, СПбГУ, БФУ, ПСТГУ, НИУ ВШЭ и др.), но и молодые преподаватели и исследователи, а также студенты философского факультета МГУ – таким образом, читателю предлагается мнение обеих сторон образовательного процесса и разных поколений.

Ключевые слова: история русской философии, историография русской мысли, проблемы преподавания, университетская философия, философия в ВУЗах.

Для цитирования: Антонов К.М., Ванчугов В.В., Герасимов Н.И., Забелин К.В., Малинов А.В., Маслин М.А., Порус В.Н., Сидорин В.В., Тесля А.А., Червяков Н.А., Шиндяпин А.В., Шпаковский М.В. Дискуссия «Проблемы преподавания истории русской философии в высшей школе» // Отечественная философия. 2023. Т. 1. № 2. С. 29–73.

1. Менялся ли интерес студентов к истории русской философии в последние годы (десятилетия) и, если да, какова динамика и причины этих изменений?

В.Н. Порус: Одни студенты обучаются по философским программам, для других философия – один из общеобразовательных предметов. Среди первых можно различить две неравные группы: к первой отнесём тех, для кого история русской философии¹ предстаёт необязательной добавкой к истории зарубежной, прежде всего западноевропейской, философии. Необязательной – потому, что она слышится как эхо интеллектуальных сигналов из-за рубежа, в котором сами эти сигналы часто искажаются до неузнаваемости. Такое восприятие в значительной мере сформировано традицией преподавания, испытывавшей давление идеологии в разных её модулях и окрасках. Вторая группа проявляет особый интерес к отечественной философии. Эта группа слегка растёт, а причина роста, скорее всего, в том, что он подогревается желанием найти в её истории ответы на мучительные вопросы, остающиеся актуальными по сей день. Сохранится ли этот рост, покажет будущее.

Что до студентов-нефилософов, то здесь картина пёстрая. Общий фон – пренебрежительное отношение большинства к философии как таковой, которое отчасти смягчается юношеской любознательностью. В общеобразовательных курсах отечественной философии уделяется мало внимания, что неизбежно из-за сжатости курсов, которые тщетно пытаются уместить богатство содержания в лапидарную форму изложения. Тем не менее встречаются всплески интереса к отечественной философии, возможно, стимулированные харизматическими преподавателями или иными локально-значимыми обстоятельствами.

К.М. Антонов: По моему ощущению – после подъёма интереса, который был в 1990-е и на волне которого в ИРФ пришли многие современные исследователи, в дальнейшем мы были свидетелями спада этого интереса, который был связан во многом с формированием некоторого набора штампов (как раз из формулировки следующего вопроса), в результате которого возникла некоторая ситуация псевдопонятности. Русская философия в глазах значительной части публики отождествилась, как выразилась одна моя коллега, с «бородой и духовностью». И это вызвало отток студентов, падение их интереса. Аналогичное падение интереса произошло в церковных вузах, где русская религиозная мысль также рассматривалась в рамках фиксированного набора штампов, стандартно подозревалась в «отступлении от православия», «западных влияниях», «ереси», «модернизме». Однако в последние годы мы снова становимся свидетелями некоторого подъёма. К сожалению, не все составляющие этого подъёма внушают оптимизм. Значительную роль играет здесь внешняя по отношению к философии политическая повестка, связанная с консервативно-патриотическим трендом, который надеется в русской философии найти основания для своих амбиций. Гораздо более позитивным явлением мне представляется подъём интереса к русской мысли, связанный с влиянием философско-теологической проблематики и современными поисками в этой области. Очень важным и значимым представляется приход в нашу сферу исследований нового поколения,

¹ Далее – ИРФ.

молодых учёных, которые приносят новую повестку, смело сопоставляют русскую мысль с западной, используют новые оригинальные подходы, разрушают стереотипы.

М.А. Маслин: В действительности речь не об изменении субъективных интересов изучающих русскую философию студентов (в терминах «нравятся» или «не нравятся» те или персоналии, разделы курса и т.д. и т.п., или: по какой причине то, что ранее «было неинтересным» стало теперь нравиться и наоборот). Следует говорить о существенных изменениях как такового всего предметного содержания курса ИРФ в постсоветский период. Изменения определены фундаментальными социальными и мировоззренческими сдвигами, кардинально изменившими национальное сознание, «верхи» и «низы» русской культуры. Содержание курса ИРФ претерпело радикальные изменения, особенно очевидные в сравнении с иными университетскими курсами и дисциплинами, которые в своём содержании также не могли не изменяться (хотя и не столь радикально!) под влиянием реформ 1990-х, продолжающихся и поныне. Возьмём в качестве доминанты недавние изменения в тексте Конституции Российской Федерации, которые не могут не влиять на концептуальную и стилистическую тональность университетского курса ИРФ. Добавки к тексту Конституции 1993 г. фиксируют тезис о том, что Российская Федерация является правопреемницей всей тысячелетней истории российского государства и также ссылку на русский язык как на язык государствообразующего народа. Это принципиально важное дополнение придаёт курсу ИРФ новое смысловое значение. Прежде всего в качестве выражения закреплённого в тексте Конституции понимания единства нашего отечества, являющегося продуктом тысячелетней истории, культуры, менталитета и основных черт психологии государствообразующего русского народа. Русская философия, если использовать язык Основного закона Российской Федерации, продолжает и наследует не только советский период, но и всю историю отечества. Правда, нужно пояснить, что по отношению к советскому периоду своего существования русская философия находится в состоянии не только положительной, но и отрицательной преемственности, так как ряд трактовок русской мысли, выработанных в советский период, требуют сегодня пересмотра. Иные философские курсы и дисциплины претерпели, в сущности, не столь драматические изменения. Курсы истмата и диамата потеряли значение «духовных скреп» ещё в период «перестройки», когда были утрачены штампы и стереотипные конструкции «марксистско-ленинской философии» и «научного коммунизма» вроде «основного вопроса философии», «партийности философии», «пролетарского интернационализма» и т.д. и т.п. Курсы истмата стали именоваться курсами «социальной философии», а курсы диамата – курсами «онтологии и теории познания». Не случайно, что для «оживления» новых редакций университетских философских курсов стали часто использоваться подходы и концепции русских философов – в курсах социальной философии «Духовные основы общества» С.Л. Франка, а в курсах по онтологии и гносеологии, культурологии и другим философским дисциплинам – построения В.И. Вернадского, Н.О. Лосского, М.М. Бахтина, Н.А. Бердяева и др. Это указывает на то обстоятельство, что именно ИРФ, а не социальная философия или теория познания сыграла ведущую роль в переориентации смысла и содержания отечественного философского образования в постсоветский период.

А.А. Тесля: На этот вопрос легко ответить в общем плане – разумеется, меняется. Как менялось общество, интеллектуальные интересы и устремления. Достаточно сравнить 1990-е гг. и последние несколько лет хотя бы по книгоизданию, по набору упоминаемых авторов – и увидеть, сколь велика разница (хотя прежде всего она будет заключаться в общем стремительном спаде интереса к философии вообще, где преимущественно востребованными остаются те авторы, которых можно без особых затруднений включить в психологическую/психотерапевтическую линию заботы о себе).

Я бы сказал, что тенденция последних двух десятилетий, если говорить именно о студенческих ожиданиях и представлениях (а не о научных исследованиях, где тенденция, по крайней мере до недавнего времени, была прямо противоположная) – «провинциализация» русской философии. Уточняя, что речь идёт именно о студентах-философах, отмечу – что если на рубеже 1990–2000-х гг. русскую философию воспринимали как источник каких-то важных, интересных и неожиданных подходов, «творческий ресурс» именно с философской точки зрения, то сейчас такое представление встречается намного реже.

То есть расхожая базовая установка – что это нечто глубоко неактуальное, про «духовность» в смысле избытка слов с большой буквы, которые мало что задевают, и про связь с «великой русской литературой» опять же в массовом изводе, с портретами русских классиков, которых в лучшем случае остается почитать, но не читать. Там, где нет интеллектуального вызова, а рассуждение подменено проповедью.

Вместе с тем есть и ещё одна значимая перемена – уже более краткосрочная и в чём-то положительная. За последние десять – пятнадцать лет ИРФ стали намного реже воспринимать как некий преимущественный источник «познания России», «знания о России». И этот процесс шёл синхронно с переменой такого же отношения и к истории русской литературы. То есть возникало и утверждалось восприятие – что это специфическая реальность, своеобразная интеллектуальная и духовная сфера, которая если и «отражает» реальность-как-таковую (и при этом национальную), то в сильно видоизменённом виде, не является «зеркалом».

При этом в последнее время наблюдается и другое – как раз уже запрос в аудитории, студенческий, идущий от описанных выше представлений, но с иной интенцией: запрос на то, а есть ли в русской философии нечто другое? Соответствует ли это расхожее представление существу дела – и, может быть, есть другие имена, другие направления, которые скажут не то, чего ждёшь. И верно ли представление о знакомых (во многом со слуха) ключевых фигурах – ведь то, что известно, не вызывает особенного интереса, но отсюда и вопрос: «А верно ли оно? ведь эти имена и эти тексты читают вновь и вновь – и, значит, в них есть что-то, не расслышанное с первого хода, то, что расхожий пересказ скрадывает».

В.В. Ванчугов: Как историк философии, – привыкший, среди прочего, работать с большими периодами времени, позволяющими выявлять закономерности, перемены в умонастроении, – сразу хотел бы обозначить, зафиксировать, напомнить: интерес студентов меняется во все времена: к наукам, отдельным её дисциплинам, специализации, формам подачи материала. Так что всегда, рано или поздно, возрастание интереса сменяется угасанием. В данный момент времени можно отметить угасание интереса в целом к историко-философскому знанию. Но не стоит паниковать и рассматривать признаки крушения культуры и гибели цивилизации. Нечто подобное уже было, в частности, в период моды на «позитивное знание», культура естествознания, когда студенты – и не только они – потеряли интерес к истории философии и как к процессу, и как типу знания, смотря на их представителей, как небожители на каких-нибудь кротов.

Теперь о нашем времени, не теряя из виду исторический горизонт, используя оптику больших форматов, работая с частностями в контексте. Прежде всего, следует уточнить – каких студентов и за какой период? Начиная с «Русской Весны»; с «нулевых», с «перестройки»? Или с применения в российском научно-образовательном пространстве «Болонской системы»?

Политические или идеологические основания при обработке материала дают нам различные временные интервалы, акценты, особенности восприятия материала, его фильтрации и прочее. Далее, если принимать во внимание местонахождение, так сказать, студентов в университетском пространстве, то о каких студентах мы будем рассуждать – философских факультетов и отделений или нефилософских?

У меня не такой большой охват аудитории из непрофильных факультетов (физико-математические, психологические, социологические, филологические), но мне кажется, что студенты нефилософских образовательных структур в массе своей демонстрируют определённое и устойчивое во времени внимание к философии настоящего и прошлого, независимо от внешних факторов. Они в целом интересуются философией как некой ментальной диковинкой, странной, но и не бесполезной, частью которой является и русская философия. Им что Хайдеггер, что Хомяков, что Спиноза или Соловьёв, Фома Аквинский или Флоренский – всё это «феномены», явления, – жизнью и творчеством которых проявляется нечто необычное и интересное. Будучи гуманитариями или естественниками, эти студенты в меру любопытны и в ситуации «внешней необходимости» пройти при обучении хотя бы семестровый курс для «зачёта», они всё же слушают, читают, конспектируют, проявляют заинтересованность, что видно не только по их ответам, но и встречным вопросам.

А вот на философских специальностях более заметны периоды, циклы роста и спада. Здесь студенты в значительной мере подвержены тому эмоциональному «фону», контексту, умонастроению, которое создаёт профессорско-преподавательский состав. А преподаватели, как мне хорошо видно как из настоящего, так и из истории философии, зависимы от многих факторов, в том числе и от моды, часто демонстрируя признаки «одержимости». Внешне они могут быть «не от мира сего» в бытовом отношении, включая облачения, но ментально – впадать в зависимость от «новейших тенденций» в философии, соответствовать моде, «последнему слову».

Также следует учитывать, что университетская философская «корпорация» существует в специфическом, фрагментированном пространстве: дисциплинарное разделение, кафедральное мироустройство. В каждой «ячейке» создается свой универсум, космос, своё толкование истинной философии, по отношению к которой все прочие «отделения» и версии – периферийны, маргинальны. Так что преподаватели часто не только подвержены моде, но они ещё и самодовольны, спесивы, – имею в виду не их моральные качества, а ментальные, профессиональные, – такие вот пёстро выряженные и активные «*mania grandiosa*». Для многих кафедр университетов (а я бывал во многих местах России, ближнего и дальнего зарубежья) свойственно снисходительное отношение к историко-философским техникам и практикам, специализациям. Хотя, как я вижу, многие из них «тайком» всё же используют наш – историко-философский – материал, «паразитируют». При этом заметно особо снисходительное отношение с их стороны к отечественному философскому наследию. Наверное, потому, что им кажется, что в нём такие же пёстро ряженные *mania grandiosa*, как они сами. Но это всё от плохого знания интеллектуальной истории.

Впрочем, заметно пренебрежение не только к отечественному философскому наследию, но и в целом к истории. Наши философы, в массе своей, плохо знают историю России, и лучше – прошлое и настоящее «западного мира», уподобляясь персонажу фонвизинского «Бригадира», сын которого только лишь «телом родился в России», но «духом принадлежит короне французской». В этом они мало чем отличаются от интеллектуалов восемнадцатого века, с их пренебрежением своего и обожанием иноземного; или века девятнадцатого, с его многочисленными «мадам Кукшиными» из романа Тургенева «Отцы и дети», – готовыми бежать, задрвав подол и теряя нижнюю юбку, в любую сторону, где только прозвучит «новейшее слово науки», «свежайшее мнение европейского мира». И это «слово» доносится, – до ищущей высшего смысла публики, – как правило, с одной стороны – «западной». В то время как «слова» давно звучат повсюду... Но прочитать «Данилевского» – «фи»; «руки не доходят»; ноги несут на семинар «постметафизика BLM», «Освальда

Шпенглера» – «вау!», непременно читать, там так много «вкусных мыслей», пальчики оближешь...

Впрочем, наблюдая подобное поведение вчера и сегодня, я всё же понимаю – влечение к новому – естественное и нормальное свойство. Только вот видеть в новом окончательное явление истины – наивность. А вот долго длящаяся наивность – признак не совсем правильно настроенного когнитивного процесса, деструкции сознания.

Перемены цивилизационного ландшафта с течением времени дают новые темы, имена, проблемы. Иногда возникают ситуации обновления, вернее, условной новизны. Подобное случилось в «перестройку», в ситуации, как принято тогда было говорить, «возвращения забытых имён»: вместо привычного в советское время канона появились запретные прежде темы, имена, тексты. Для большинства открылся совершенно новый мир, так что «горящие глаза и широко раскрытый рот» хорошо визуализируют ту метаморфозу общественного сознания. На фоне опостылевшего советского и материалистического, наподобие фата-морганы, проявлялось имперское, идеалистическое. Новое для той поры, особенно для студенчества.

А в списках рекомендованной литературы ещё была «История философии народов СССР» – идеологический конструкт, вымышленная для некоторых «народов» советского союза, философия; идеологически мотивированный, плохо оформленный вымысел. Он не мог вызвать интереса со стороны студентов, да и любой интересующейся идейным миром публики. Доминирование «материалистической» философии закончилось. Случилось это буднично, серо. Зато интерес к прежде запретной – идеалистической – философии можно сопоставить с вхождением в плотные слои атмосферы «тунгусского метеорита».

Начинается радостное освоение нового материала. Затем – пресыщение. Усилиями её же апологетов и идеалистическая, религиозная философия становится такой же догматичной, как и материалистическая. Вместо материалистической и атеистической насаждается идеалистическая, религиозная; «хорошее» для советской власти заменило «хорошее» антисоветской. Но нет развития, как кажется внешним наблюдателям, среди которых и студенты. Советская философия – ограничена, досоветская и антисоветская прелестна, но уже архаична, не такая яркая. Да и мир поменялся, в том числе и сквозь призму «болонского процесса»: академическая мобильность, в основе которой перемещение к новым центрам силы, местам комфорта. На этом фоне русская философия в её прошлом интересна, но она уже не актуальна, её эмпирика и методы не универсальны, голоса уже не созвучны ныне живущим. А вот западная...

Запад снова стал нормативным. Поворот во всём на Запад как ближний (Европа), так и дальний (Штаты). Не «окно», а все пути отныне – на Запад. И один из путей – образование. Через образование – на Запад. Посредством Болонской системы. Быть как можно ближе к Западу во всём, в том числе и через философию. Учись, студент, у западных философов как прошлого, так и настоящего! Бывшие советские преподаватели философии переформатировались в антисоветских философов, но вскоре поклонники Бердяеву перенаправили на условного, собирательного, «Бенджамина Флокса». Не только массовое сознание зависит от идеологического фона, рекламы, но и условно элитарное.

В итоге, применительно к русской философии, если использовать гесиодовскую модель, можно отметить: бум в девяностые – «золотой век»; нулевые – «серебряный»; к десятому – «бронзовый», сейчас «железный». Массовый интерес, затем привыкли, угасание интереса, заскучали, зазевали. Сейчас интерес минимален. У массы. Избранное интеллектуальное меньшинство всё также интересуется. Но в любой момент всё может измениться, как уже бывало. Что для этого необходимо? Во-первых, изменение отношения к прошлому; во-вторых, изменения в самом сообществе историков русской философии.

А.В. Малинов: Вероятно, если бы проводились определённые замеры отношения студентов к истории русской философии, например, опросы, то можно было бы сравнить их результаты за разные годы и сделать некоторые выводы. К сожалению, в моей практике таких опросов не было, поэтому могу опереться на свой довольно ограниченный опыт преподавания истории русской философии в Санкт-Петербургском государственном университете и некоторых других ВУЗах города и высказать субъективное мнение. Мне давно не приходилось читать курс «История русской философии» студентам-философам. Раньше я читал такой курс философам, которые обучались на вечернем отделении. По признанию всех преподавателей, которые вели занятия на вечернем отделении, уровень студентов-вечерников был значительно выше тех, кто обучался на дневном отделении. Больше половины студентов-вечерников уже имели высшее образование, причём, как правило, в областях совсем не близких философии и сознательно выбрали философский факультет. Мотивация, уровень подготовки, объём знаний и жизненного опыта таких студентов заметно отличался от студентов дневного отделения, причём в лучшую сторону. Закрытие вечернего отделения на философском факультете было явной ошибкой. По решению администрации философского факультета студентам-вечерникам было запрещено специализироваться по кафедре истории русской философии, хотя желающих было достаточно, т.е. студенты не могли выбрать в качестве курсовой или дипломной работы тему по истории русской философии, поэтому трудно судить об их предпочтениях. На других, не философских, специальностях, где я веду занятия (культурологи, религиоведы, прикладные этики, историки), студенты, как правило, положительно реагируют на занятия по истории русской философии. Приведу пример с историками. На историческом факультете (теперь институте истории) курс истории русской философии долгое время был элективным, т.е. помимо русской философии им предлагалось ещё три или четыре курса, в том числе философских, например, по истории западной философии. Примерно две трети студентов при этом стабильно выбирали ИРФ. Так продолжалось на протяжении нескольких лет, пока курс не сделали обязательным.

Отчасти о предпочтениях, но не интересах, студентов в области русской философии даёт представление итоговый зачёт по семестровому курсу ИРФ у студентов-историков. В течение нескольких лет для того, чтобы не затягивать проведение зачёта, я просил студентов самостоятельно заранее выбрать один из двух десятков вопросов и рассказать его на зачёте. Специально я не фиксировал вопросы и не вёл статистический учёт, но, действительно, иногда было заметно, что какой-то вопрос студенты выбирали чаще других. Например, в один год это был Ю. Крижанич, в другой – А.И. Герцен. Какие-то вопросы, напротив, выбирали крайне редко. Порой, когда предпочтения особенно бросались в глаза, я спрашивал студентов о причинах выбора, но, как правило, внятного ответа не получал. Могу лишь предположить по косвенным свидетельствам, что студенты выбирали вопросы, которые совпадали с вопросами по другому предмету. Однако не каждый год можно было выявить предпочтения. В последние годы такую практику приёма зачёта пришлось прекратить, потому что сократили время на сам зачёт (на поток студентов около 120 человек стали отводить одну пару), по истечении которого мы со студентами оказывались без аудитории. Ещё один пример даёт небольшой (всего от двенадцати до двадцати часов) факультатив «Основы русской философии» у студентов-психологов первого курса, который я веду в одном городском институте. До этого года кроме аудиторных занятий была предусмотрена и самостоятельная работа, в качестве которой я просил студентов сделать конспект одной из глав (на выбор) книги В.В. Зеньковского «История русской философии», чтобы не читать однотипные, скачанные из Интернета работы и при этом сохранять надежду на то, что хотя бы часть студентов на самом деле прочитала главу из книги. Опять же никакой статистики я

не вёл, но у меня сложилось впечатление, что чаще других студенты выбирали главы «До эпохи Петра Великого», а также главы о А.И. Герцене и Н.Ф. Фёдорове. При этом из-за краткости курса на лекциях я не рассказывал ни о А.И. Герцене, ни о Н.Ф. Фёдорове. Причину таких предпочтений объяснить не могу, хотя, возможно, она состоит в объёме глав или имеет какое-то другое прагматическое объяснение. Однако оба примера имеют отношение к студентам, которые не изучают специально философию, для которых ИРФ – предмет факультативный или элективный.

Конечно, предпочтения студентов мало отличаются от настроений в обществе. Когда в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. в российском обществе был заметен явный всплеск интереса к русской философии, то и студенты философского факультета нередко выбирали специализацию по ИРФ. Справедливости ради надо заметить, что на философском факультете СПбГУ в эти годы наиболее востребованной среди студентов всё же была кафедра логики. Если сравнивать предпочтения студентов-философов, то ИРФ заметно уступает истории античной философии или философии Нового времени. Отчасти это объясняется тем, что студенты, как правило, выбирают в качестве специализации тот предмет, который изучают в данный момент. На первом курсе – это история античной философии. Занятия по ИРФ начинаются только на третьем курсе, когда их интересы уже во многом сформировались, установились отношения с научным руководителем и т.д. При этом следует различать интерес к русской философии и к курсу по ИРФ. В последнем случае решающее значение имеет фигура преподавателя, т.е. студенты в первую очередь отдают предпочтение интересному лектору, а не предмету. Верно и обратное: даже при востребованности русской философии и интересе к ней, некомпетентный преподаватель способен оттолкнуть студентов от занятий по русской философии. В отличие от студентов-вечерников, нынешние студенты дневного отделения, как правило, начинают знакомиться с русской философией только поступив на философский факультет, не имея особых предпочтений. Главная роль в формировании их интересов принадлежит преподавателям, которые ведут занятия. У меня создалось впечатление, что по большей части, если студенты и выбирают ИРФ, то только в том случае, если их заинтересовал преподаватель. Иногда при выборе имеет значение, так сказать, культурная традиция, вызывающая определённые ассоциации. Например, если студент хочет изучать творчество Ф.М. Достоевского (при этом чаще всего имея слабые представления о других русских мыслителях), то он выберет специализацию по ИРФ. В прежние годы студентам-философам на последнем году обучения предлагался ряд элективных курсов, в числе которых было несколько по русской философии. По тому, сколько студентов записывались на курсы по русской философии и на какие именно, можно было отчасти судить об их предпочтениях, но уже несколько лет курсы по русской философии исключены из перечня элективных предметов.

Н.И. Герасимов: Мой личный опыт обучения на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова подсказывает, что интерес студентов к ИРФ в общем и целом всегда был стабильно ниже (могу с уверенностью говорить про начало 2000-х гг. и далее), чем, например, интерес к истории зарубежной философии. Это определялось разными причинами: содержанием курса, интеллектуальной повесткой эпохи, а также актуальностью предлагаемых к обсуждению проблем. Весь курс был построен преимущественно вокруг религиозной философии, и вся история производимого в России философского знания в итоге сводилась к истории сообщества религиозных мыслителей. ИРФ не была вписана в актуальный социокультурный контекст – в этом я вижу главную проблему, почему студенты не так уж охотно проявляли интерес к богословию о. П. Флоренского или к интуитивизму Н.О. Лосского. По сути, отечественная интеллектуальная традиция вызывала у студентов ощущение, что русские философы всегда были «на задворках» мировой философии.

Усугубляло положение и то, как анализировались тексты на семинарских занятиях. Мне очень повезло, что моим семинаристом была С.В. Шлейтере, которая весьма иронично относилась к теме «инаковости» русской философии, но так везло не всем. Когда я поступал на кафедру ИРФ, многие мои однокурсники, выбравшие другие направления и другие специальности, пожимали плечами. Зачем нужен Н.А. Бердяев, если есть А. Камю? Что интересного в «Оправдании добра» Вл.С. Соловьёва, если есть Ф. Ницше? Впрочем, когда я уже преподавал на факультете и вёл курс по истории русской эмиграции (2022/2023 уч.г.), у меня были студенты, которые решили взять мой курс в качестве факультатива. У них интерес к русской философии был особым – они чувствовали, что отечественная интеллектуальная традиция связана с политическими процессами, проблемами в обществе, проблемами культуры и т.д.

В.В. Сидорин: У меня не такой долгий опыт преподавания ИРФ, чтобы делать обоснованные выводы о динамике интереса студенческой аудитории к этой учебной и научной дисциплине. При этом должен оговориться, что мой опыт сводится к преподаванию «философской» студенческой аудитории – я никогда не преподавал студентам нефилософских специальностей. Есть впечатление тем не менее, что этот интерес меньше, чем был, скажем, в 1990-е гг., но в этом снижении нет ничего специфически студенческого – скорее оно характерно для российского философского сообщества в целом. После довольно стремительной пресловутой «эпохи возвращения имён» интерес к ИРФ к началу XXI в. остался в профессиональном сообществе преимущественно лишь у тех, кто так или иначе связал с ней свою академическую траекторию. Мне кажется, что к этой ситуации привела целая совокупность причин. Прежде всего, своего рода не осознаваемая установка, надежда на механическое воспроизводство, которая быстро исчерпала свой потенциал после того, как был обнаружен разрыв между отечественным философским наследием и методологическим и концептуальным пространством современной философской мысли. Значительная часть профессиональной корпорации и занялась освоением последней, что привело в свою очередь к своеобразному «корпоративному разрыву» – между группами, занимающимися проблематикой, претендующей на актуальность, и сообществами, исследующими отечественное философское наследие. За последние десятилетия этот «корпоративный разрыв» определённым образом институционализировался и теперь демонстрирует способность к самовоспроизводству. Можно, думаю, выделить и другие причины: снижение напряжения соответствующей историко-философской работы, целый ряд неблагоприятных социальных факторов – снижение общественного запроса, давление идеологических оценок разного характера, тенденция ко всё большей научной специализации. Играет свою роль и то обстоятельство, что русская философская мысль – так исторически сложилось – всегда много внимания уделяла вопросам о месте России в истории, смысле последней и т.д., в силу чего она характеризуется довольно ощутимым политическим напряжением. А это в свою очередь приводит к тому, что оценка ИРФ зачастую напрямую коррелирует в современном российском философском сообществе с политической позицией самого исследователя, — многие понятия и даже имена, кажется, превратились в своего рода пароли для опознавания «своих» и «чужих». Эта политизация очень мешает нормальному развитию дисциплины.

Тем не менее запрос среди студенчества есть и он достаточно очевиден. Правда, следует оговориться, что мотивация определённой части студенчества, демонстрирующей интерес к ИРФ – и, надо признать, это немалая часть, – лежит в плоскости иллюзорной доступности отечественного историко-философского материала. Таким студентам, очевидно, кажется, что это путь наименьшего сопротивления. Что касается студенчества с более тонкой, собственно исследовательской, а не учебной мотивацией, то лично меня не покидает устойчивое впечатление об их глубокой

неудовлетворённости состоянием дел в этой области. И это отталкивает существенную часть студентов. Мне кажется, что ситуация такова, что сообщество историков русской философии по большому счёту не формирует и, соответственно, не закрепляет исследовательского интереса к своей дисциплине — по итогам университетских штудий он, как правило, остаётся лишь у тех, кто изначально пришёл с ним на студенческую скамью.

К.В. Забелин: По моим наблюдениям, интерес к ИРФ в студенческом сообществе подстёгивается главным образом экзистенциально-мировоззренческим фактором. Студенты редко занимаются русской философией ради некой чистой философской науки. Скорее, к ней обращаются, чтобы разрешить экзистенциальные и религиозно-философские проблемы, прямо или косвенно связанные с ощущением общей несправедливости реальности. В этом есть что-то карамазовское. Традиция русской мысли, ориентированная на экзистенциальные и социально-политические проблемы (вспомним бестселлер своего времени «Вехи»), пользуется стабильным спросом среди студентов с подобными глубинными запросами. Однако их процент от общего числа невелик. К тому же часть из них обращается к западной традиции философского самопознания. В самом деле, на рынке экзистенциальной философской литературы широко представлены и тексты других философских традиций, не столь открыто теоцентричных. И это тоже фактор. Студентов нередко отталкивает религиозный окрас русской мысли: по моему опыту, в большинстве своём молодые люди приходят на факультет носителями умеренно светского или атеистического мировоззрения. Кроме того, играет свою роль и политический фактор: студенчество в критической своей массе обретается в рамках либерально-западнического тренда, который нередко представляет русскую философию в качестве чего-то безнадежно ретроградного. Из этой же перспективы русскую философию пытаются дезавуировать именно в качестве философии, предлагая знакомиться с ней в лучшем случае как со специфической «фриковатой» литературой. «Расштамповать» изучение русской философии, пробить идеологическую пробку, показав действительную плюралистичность и концептуальное многообразие этой сферы, — задача, решение которой позволит наладить коммуникацию со студенческим сообществом.

А.В. Шиндяпин: Поскольку я не знаком со специальными исследованиями этой динамики (хотя подобного рода мониторинг, по всей видимости, был бы полезен для корректирования преподавания ИРФ), постольку мой ответ будет опираться на мой опыт обучения на философском факультете МГУ и на известные мне свидетельства некоторых преподавателей с факультета и студентов старших и младших курсов. Для начала я предлагаю уточнить, о каком именно студенческом интересе к ИРФ мы можем говорить. Если речь идёт об интересе к выбору соответствующей специализации, то, кажется, этот интерес в последние годы стабильно невысокий (в среднем 1–2 студента со всего курса). Если мы говорим об интересе к курсам по ИРФ, то, как и в случае со многими другими курсами, здесь многое зависит от конкретных групп студентов и преподавателей, вступающих во взаимодействие, но в целом этот интерес средний (т.е. студенты в большинстве своём подходят к изучению этих курсов без особого трепета, но и без принижения их значимости). Наконец, если речь идёт об интересе студентов, собирающихся использовать наследие русской философии в своих критических исследованиях и в своём движении в сторону индивидуального философского прогресса (как бы они себе его не представляли), то, к сожалению, курсы по ИРФ мало способствуют процветанию этого интереса. Каждый из обозначенных интересов, насколько я понимаю, не сильно менялся в последние годы. Возможно, одна из существенных причин отсутствия более благоприятной динамики студенческих интересов заключается в том, что русская философия мало задействована в других курсах в качестве предмета для актуальных дискуссий и интенсивных раздумий, а не в качестве любопытной исторической

справки, и не преподносится студентам как что-то важное для идентичности современного российского философа. Это, в частности, приводит к тому, что студенты не чувствуют, что им необходимо хорошо разбираться в русской философии, чтобы находиться в эпицентре современных дискуссий и претендовать благодаря этому на статус первоклассных философов (хотя именно это могло бы довольно сильно стимулировать их интерес к ИРФ).

Н.А. Червяков: Не так давно покинув студенческую скамью, я могу судить лишь о небольшом временном периоде, охватывающем как максимум одно десятилетие – с середины 2010-х гг. до нынешнего момента. Если окидывать мысленным взором начало и конец этого периода, то можно заметить незначительное увеличение интереса студентов к ИРФ. Однако дело не в университетской дисциплине под соответствующим названием, преподавание которой почти никак не меняется (что не красит эту дисциплину, о чём – ниже), а в том, что составляет её предмет – сама русская философия. Интерес студентов, как представляется, можно объяснить двумя причинами. Во-первых, необходимость «вписываться» в современный интеллектуальный контекст России (как философский, так и в целом культурный) и понимать (с целью преклонения или разоблачения – не так важно) ходы, отсылки, концепты, методы мышления, используемые современными русскими философами. Во-вторых, горизонтальный и сетевой характер взаимодействий современного студента, что для строгого взора академии почти всегда является недоступным, скрытым и неконтролируемым. Падение или рост интереса к дисциплине – совершенно нормальное явление для науки, но когда вместо учебной дисциплины подаётся рагу из идеологии, «духовности» и неквалифицированного пересказа – у студентов появляется закономерное желание заняться более уважаемыми темами. Интерес к предмету и имидж дисциплины/науки – разные вещи.

2. Русский философский «канон» (по крайней мере, в широком общественном сознании) выстроен прежде всего вокруг истории общественной мысли с якобы ключевыми тематическими узлами в виде проблемы цивилизационного выбора, русской идеи и т.д., а также софиологии, соборности и ряда иных религиозно-философских концептов; считаете ли Вы необходимым трансформацию/пересмотр «канона» и, если да, как именно он может быть пересмотрен?

В.Н. Порус: Акценты на упомянутых тематических узлах были некогда поставлены и стоят до сих пор не случайно. Они подчёркивали напряжённость идейной борьбы, в русло которой втягивалась философия, причём тянули её с разных сторон и с разными целями. Например, концентрация интеллектуальных усилий вокруг «русской идеи» в своё время была реакцией на социально-культурный кризис Европы, понятый многими интеллектуалами (конечно, не только российскими) как «закат» или «агония». «Русская идея» была принята некоторыми мыслителями за альтернативу цивилизационного и духовного развития, способную стать преградой кризису, «спасти» цивилизацию от распада и обозначить желаемую историческую перспективу. Именно против этой «альтернативности» выступали и критики «русской идеи», хотя бы они и принадлежали различным и даже враждебным философским направлениям.

Почти то же самое можно сказать о других философских концептах, «расшировка» которых и сегодня занимает едва ли не главное содержание курсов по ИРФ. Здесь, действительно, сделалась некая канонизация, что когда-то было данью времени, но сегодня уже стало тормозом нормального развития в сфере исследований и образования. Впрочем, такова неизбежная судьба всех канонов. Установится ли какой-то новый канон, покажет будущее, но, думаю, сейчас «дух времени» противится канонизации. Перестановки акцентов, конечно, возможны, и это зависит от общего направления развития философского и гуманитарного знания.

Например, проблема общественного идеала, вокруг которой было столько споров в русской философской и общественно-политической мысли от середины XIX до середины XX вв., то обостряется, то перестаёт привлекать к себе внимание в зависимости от нарастания или затухания социально-культурных противоречий современности. Роль контекста при обсуждении этой проблемы особенно очевидна. При известных обстоятельствах интерес к этой проблеме может и вовсе исчезнуть, если в общественном сознании утвердится недоверие к любым идеалам или культурным универсалиям, характерное для философии постмодернизма, влияние которой вряд ли существенно ослабеет в близком будущем. Правда, говорят, что её время в философии уже ушло, но, я думаю, что в нашей стране, где сама реальность будто изготвлена по лекалам постмодернизма, это не так.

Идеи русской «софиологии» в своё время не получили резонанса в общественном сознании, зато вызвали жёсткие споры в богословской и философско-религиозной среде. Тому были причины и, прежде всего, удалённость этой проблематики от насущных проблем, волновавших тогда общество. Возможно ли заинтересованное внимание к этим идеям со стороны студентов философских факультетов сегодня? Ответ может быть утвердительным, но следует помнить, что характер этого интереса был бы теперь иным, зависящим от общего настроения по отношению к богословской тематике, да и от меры религиозности студентов, которая сейчас трудно измерима, но, по-видимому, мала.

Преподавание философии, тем более ИРФ – живой процесс, остановка, «омертвление» которого приводит к его неизбежной девальвации. Как ему оставаться всегда живым – вопрос, который вряд ли можно решать «загодя». Всё, что нужно, это внимательно следить за изменениями социального и культурного контекста, а значит, и за колебаниями интереса со стороны студентов, и откликаться на них. При этом надо избегать конъюнктурных перекосов, «интересничанья», заигрывания с аудиторией – это всегда потом оборачивается разочарованиями и скепсисом.

К.М. Антонов: Несомненно, в этом смысле он наследует, с одной стороны, советской, а с другой – эмигрантской традиции. Но любая стереотипия в науке вредна. На данный момент мне представляется важным перенести внимание на собственно философскую составляющую русской мысли, в том числе и в её религиозном аспекте. Под философией я имею в виду систематическую рефлексию относительно предельных оснований и условий бытия, познания, деятельности, творчества человека.

Кажется важным обратить внимание на онтологию, гносеологию, этику, эстетику, логику русских авторов. Если говорить о религиозном измерении – то не о непонятной их «религиозности», а о выработанных ими философских теориях религии, их философской теологии и т.д. Если говорить о русской общественной мысли, то и здесь следует разграничивать безответственное утопическое прожектерство (как прогрессистское, так и консервативное), мессианский комплекс и связанные с ним мечты о будущем России и мира, и собственно философию права и политики.

Необходимо строго различать в их мысли риторическую и содержательную составляющую, искать в их мышлении аргументы, мысленные эксперименты, оригинальные интерпретации классических философских тем, топосов, ходов мысли, авторов, другие общие для всех традиций формы философской работы. Если окажется, что это собственно философское измерение русской мысли в чем-то проигрывает западным традициям – это следует честно признавать.

М.А. Маслин: Вопрос о «трансформации» или «пересмотре» того, что названо русским философским «канонном», как представляется, нацелен на то, чтобы зафиксировать имеющееся в историографии русской философии вращение внимания вокруг определённых тем, концептов, течений, имён, периодов и т.п. Но это внимание вполне естественно и отражает конкретные научные интересы и конкретную научную тематику, оспорить актуальность которых никто не может и не должен.

На сегодня не существует никаких «канонизированных» чем-то научных правил или узаконенных кем-либо тем, как не существует какой-либо «нормативной» философской теории, как это было в прежние времена. Философия из безнациональной «марксистско-ленинской философской науки» стала стремиться быть тем, чем и должна быть философия в России, т.е. русской философией. Хотя это естественное стремление не отрицает возможности существования в России философий западного типа и разных типов духовного, в том числе философского самосознания народов России. Любая имеющая научное значение проблематика, относящаяся к области русской философии, актуальна, если только её раскрытие составляет новизну и отражает привлечение новых источников (прежде всего архивных и неизвестных ранее). Философия Достоевского актуальна и будет актуальна всегда, особенно если для её изучения будут привлекаться новые источники и новые подходы. Другая сторона вопроса заключается в том, что многообразие русской философии далеко не охватывается до конца наличным состоянием источниковедения и историографии. Материалы, хранящиеся в отечественных и зарубежных архивах, составляют значительную, ещё не изученную часть русской философской мысли. Надо заметить также, что значительная часть проблематики ИРФ сегодня требует «реанимации», поскольку изучение некоторых обширных массивов отечественной философии было прекращено и до настоящего времени так и не возобновлялось с должной интенсивностью. Это касается, прежде всего, самого длительного по времени существования идейного течения русской мысли – народничества, развивавшегося более 50 лет. Главный удар по его изучению был нанесён И.В. Сталиным после выхода в свет «Краткого курса истории ВКП (б)» в 1937 г., когда были запрещены выходившие в 1930-х гг. собрания сочинений П.Л. Лаврова, П.Н. Ткачёва, М.А. Бакунина. По-настоящему изучение народничества так и не было возобновлено и в постсоветскую эпоху. «Реанимации» подлежит также философское содержание трудов русских естествоиспытателей. Самое тяжёлое искажение облика русской философии в советское время было связано с созданием искусственной концепции «солидной материалистической традиции» в России. Её основу заложили публикации академика Б.М. Кедрова – члена партии с 15-летнего возраста, сына одного из основателей ВЧК М.С. Кедрова. В оценках Ломоносоведа Б.М. Кедрова «передовое естествознание» не должно было иметь ничего общего с религией, поэтому им был создан миф о материализме и атеизме М.В. Ломоносова. Тогда как В.И. Вернадский и С.И. Вавилов, напротив, утверждали о наличии в трудах Ломоносова того, что определённо можно назвать признанием «когнитивного содержания» религии. Это признание несколько не противоречило тому, что Ломоносов в своих трудах был ярким выразителем рационалистического пафоса, который был столь характерен для мировоззрения Нового времени, новоевропейской науки и философии. Ломоносова, так же как Лейбница и Декарта, интересовал «философский», а не «богословский» Бог, именно это соответствовало действительно «передовому естествознанию» его времени, а не выдуманный Кедровым атеизм. К сожалению, в настоящее время мировоззренческое содержание творчества выдающихся учёных-естествоиспытателей остаётся зачастую вне поля зрения историков русской мысли, что, конечно, существенно суживает многообразие русской философии. Недооценка философского наследия русских учёных, составляющего огромный массив русской мысли, имеет место на фоне усиленного внимания к трудам религиозных философов. Эту неизбежную в будущем смену приоритетов в сторону религиозной мысли успел предвидеть ещё В.В. Зеньковский, считавший, что чем резче происходят разрывы с прошлым, тем активнее будет в будущем восстановление утраченного. Ему же принадлежит известная работа, критикующая советские исследования, посвящённые «мнимому материализму» русской науки. Отчасти постсоветская недооценка мировоззренческого содержания трудов русских учёных объясняется также

тем, что их наследие воспринимается «по инерции» в отрицательно-ценностном смысле, в контексте догматизированной ленинской формулировки о «солидной материалистической традиции в России», или в качестве запоздалой реакции на гонения советского марксизма против генетики и кибернетики. Кстати сказать, в работе В.И. Ленина «О значении воинствующего материализма» ничего не говорилось о принадлежности Ломоносова к этой традиции. Ленин в качестве русских материалистов назвал лишь двух мыслителей – Г.В. Плеханова и Н.Г. Чернышевского. Однако отнесение М.В. Ломоносова к материалистам было «домыслено», затем было многократно растиражировано и стало нормой советской историко-философской науки.

А.А. Тесля: Полагаю, что этот канон – а он действительно канон, в литературоведческом смысле – может быть радикально пересмотрен. Другое дело, что сводить к нему ИРФ – довольно странная перспектива, поскольку это ведь канон русской религиозной философии – а сводить к ней ИРФ ход возможный, но уже далеко не самоочевидный. И это, кстати, создаёт возможности – когда канон не оспаривается с точки зрения предложения ему «замены», а становится предметом осмысления. Он есть некая данность, он пересматривается, находится – как и всё живое – в некотором движении, но он – не случайность, которая может быть переменена неким волевым усилием. То есть можно либо пытаться прямо продолжить, воспроизвести – но это, вновь обращаясь к истории литературы, как попытка сейчас написать роман à la Лев Толстой. Допустим, это можно сделать – проблема лишь в том, что как раз потому, что это будет написано сейчас, оно будет иметь принципиально другой смысл, чем роман самого Толстого, – уже оттого, что контексты разные.

И здесь же, перешагивая отчасти к следующему вопросу, – можно увидеть и язык переописаний, ведь вроде бы речь идёт о «проблеме цивилизационного выбора», но ни у Киреевского, ни у Соловьёва, ни у Струве мы не найдём такой проблемы – это нечто, что современный исследователь, верно или неверно, вчитывает в их рассуждения, переводит на свой собственный язык.

И здесь, возвращаясь к вопросу о «каноне», на мой взгляд, продуктивен вопрос – а в каком смысле (в той или иной исследовательской программе) идёт речь именно о «русской философии»? Например, можно пойти вслед за о. Георгием Флоровским – и понимать под русской философией не просто некоторое философствование на русском языке (в таком случае, замечу попутно, у нас в неё не войдёт Чаадаев), не философствование подданных Российской империи, граждан Советского Союза или современной России (ведь тогда бы нам, например, приходилось бы включать/исключать те или иные идеи и тексты на основании принципа гражданства – и парадоксальным образом обнаруживать в составе «русской философии» при таком понимании целый ряд совершенно замечательных, но доселе никем не включаемых в русскую философию, польских мыслителей XIX в.), не тех, кто идентифицировал себя как «русского» и уж тем более не тех, кому была предписана эта национальность внешним взглядом, например, в логиках паспортизации. Тогда мы будем понимать под русской философией философствование, ориентированное по преимуществу на русское общественное пространство, встроенное в русскую, например, журнальную или университетскую или духовно-академическую среду, – высказывания, реплики в разговоре, предполагающие других в этом же пространстве. И в этом случае у нас сразу найдётся ответ, почему Чаадаев – часть русской философии, поскольку обращается он в первую очередь к русскому образованному обществу. И национальная форма философствования оказывается не чем-то самоочевидным, а сама и историзируется, и обращается в философскую проблему – как своеобразная форма философствования, возникающая в рамках романтического движения начала XIX в. и вместе с тем имеющая реальность в реальности национального сообщества: национализации образовательных пространств,

общенациональных дискуссий, национальных научных институций или той же национальной историографической рамки.

В.В. Ванчугов: Прежде всего, хотел бы отметить, что перечисленные в вопросе «тематические узлы» и сопутствующие каноны можно всё же отнести к имеющим место в реальности, действительным, а не мнимым, причём к магистральным, так сказать, а не маргинальным. Хотя, безусловно, их значимость – не на все времена. Они порождены условиями времени, заявлены определёнными фигурами. Наличие «канонов» – нормальное явление в любой сфере. И философия также не может обойтись без определённых точек опоры – метафор, претендующих быть формулами, философем, конфигурирующих, оформляющих и направляющих работу той или иной группы интеллектуалов, сообщества. Всем им необходим некий конвенциональный, концептуальный каркас, позволяющий систематизировать материал, конфигурировать сознание, изобретать ментальную «оптику» для восприятия прошлого и настоящего.

При этом борьба с канонами – ключевой и повторяющийся элемент в любых сферах: в живописи, к примеру, импрессионистами отбрасываются каноны академистов; в литературе натуральная школа через «физиологические очерки» вытесняет на периферию на какое-то время сентиментально-романтическую модель повествования; в поэзии, музыке авангардизм демонтирует классицизм, модернистов деканонизируют постмодернисты. Везде мы наблюдаем «борьбу нарративов», «битву канонов». В философии много подобных ситуаций, и отечественная – не исключение: в эпоху Просвещения формируется свой канон, в первой трети XIX в. его разрушают, и на примере «Общества любомудрия» мы видим это терминологически, так сказать, – вместо опошленной французами «философии», вводится «любомудрие»; канон умозрительной философии разрушают позитивисты; марксисты разрушают материалистическим молотом каноны идеалистической философии; каноны советской философии разрушаются антисоветскими и постсоветскими мыслителями. Но и их канон не вечен. Как ни ласкает слух иного постсоветского любомудра «соборность», «софиология» и прочие, как я бы сказал, «канонические концепты», но и они будут оттеснены. Они не исчезнут, останутся лишь частью полифонического универсума.

На материале истории философии мы видим, как возникают ситуации, когда кто-то и на каком-то основании формулирует нормы, что правильно, а что нет. Есть согласные, группа поддержки, доминирование. Не всегда оно, правда, обусловлено научными факторами – есть и политические условия, идеологические, финансовые, религиозные, порой и психосоматические.

В советский период, когда была «история философии народов СССР», существовал свой канон – борьба материализма и идеализма, предрасположенность к материализму и его последовательная победа. Безусловно, выдуманная, мнимая, мифическая. В период «перестройки» колеса механизма закрутились в обратную сторону: упор на линию идеализма. В итоге новый набор классиков – мыслителей, которых следует воспринимать как нормативных. Их суждения воспринимаются как верные, отсюда страсть к цитатам – в любой ситуации найди место из сочинения русского религиозного мыслителя. Примечательно, что чаще всего это помогает, поскольку из приведённого текста видно, что подобная сложная ситуация уже была в прошлом, и она хорошо осмыслена. Так что у многих на душе наступает спокойствие, обращение к философским канонам сопоставимо с молитвенным обращением к святым. Шучу, но тем не менее... Далее, формируется культура следования их проекциям и конструктам. На первое время это хорошо и продуктивно, приятно и полезно. Но затем начинает отдавать догматикой, как у советских специалистов. Ценность канонических концептов снижается. Девальвация, так сказать, творческого наследия. У нас много «специалистов по соборности», но манипуляции

концептом соборности не меняют сознание манипуляторов. На какого поборника, сторонника, агитатора соборности ни посмотрят – то социопат, то эгоист, то карьерист, аморален, не интеллектуален. Так что канонические концепты – наиболее употребимы в научном и просветительском обороте, но наименее применимы к жизни, не меняют сознания. Исчерпан ресурс.

Но чтобы отказаться от канонов, надо показать/доказать, что они сегодня не работают. Да и работающие ли они модели для прошлого? Не являются ли они просто конструктами, которые были придуманы в недавнем прошлом для понимания дальнего, давнего прошлого? Каноны убедительны, привлекательны, но могут быть конструктивными лишь определённый период. Попытки же экстраполировать их, долго использовать в многократно изменившейся реальности, превращают их в догмы. Но это не вина канонов, а догматиков от философии. Так что нашему сообществу необходимо и пересматривать каноны, и формировать новые. Но это сложная задача, а мы не богаты интеллектуалами, способными к длительной, напряжённой и эффективной работе. Слишком много имитаторов философской деятельности, и их хватает либо на обслуживание доставшихся им канонов, либо на «разрушение».

А.В. Малинов: Должен высказать сомнение в том, что существует какой-то русский философский «канон», как в профессиональном сообществе, так и в общественном сознании, надо признаться, довольно аморфном. Конечно, мне пришлось встречать высказывания, как правило о русском космизме или евразийстве, в которых усматривали актуальность русской философии. Правда, из рассуждений о космизме или евразийстве быстро становилось понятно, что автор имеет о них довольно смутное представление. В политизированном дискурсе, действительно, присутствуют упоминания о русской идее или соборности, которые чаще всего оказываются не верифицируемы или превратно истолкованы. Все подобные случаи имели отношение не к канону, а, скорее, к конъюнктуре или бэконовским «идолам пещеры». Не могу настаивать, но мне кажется, что в русской философии сложился не «канон», а некоторый консенсус относительно ключевых фигур и, так сказать, опорных событий (например, публикация первого «Философического письма», «философский пароход» и т.п.) русской философии. Значение некоторых «ключевых фигур» может быть и преувеличено, но историографическая инерция по-прежнему продолжает плодить о них статьи, монографии, диссертации и т.п. Вряд ли у интересующегося русской философией человека возникнет сомнение в том, что в содержательное ядро русской философии войдут П.Я. Чаадаев, Вл.С. Соловьёв, русский религиозно-философский ренессанс, споры западников и славянофилов и т.п. Другие мыслители и целые периоды окажутся, так сказать, на периферии русской философии, хотя для профессионального историка философии они как раз могут оказаться более интересны как по высказанным идеям, так и по их слабой изученности.

Если понимать под «каноном» русской философии некое мерило или образцы, которым надо следовать, то его отсутствие как раз положительно характеризует русскую философию, указывая на то, что русская философия ещё не сложилась в законченную традицию, что сохраняется возможность для продумывания её идей, пусть даже уже ставших для нас историей. До сих пор вызывают дискуссии такие основополагающие вопросы, как о начале русской философии, о соотношении в ней самобытности и заимствований и др. Историко-философские периоды с трудом поддаются датировке, поскольку они, как правило, опознаются уже по своим результатам, а начало процесса трудноуловимо. Столь же проблематично обозначить завершение историко-философской эпохи. Например, даже такое символическое событие, как высылка интеллигенции из России в 1922 г. довольно условно можно считать завершением русского религиозно-философского ренессанса.

М.В. Шпаковский: Не хотелось бы показаться экстремистом, но мне, к сожалению, приходится констатировать следующее: преподавание русской философии, основанное на сложившемся каноне, – это то, чего не должно быть, а сам канон есть подлинная катастрофа. Все элементы современного канона, будь то литературоцентричность, русская идея, крен в социально-политическую проблематику, софиология, панэтизм, космизм, в совокупности заслуживают названия «философской клюквы» – это штампы, которые поддерживаются самими историками и «сторонниками» русской философии (как будто другие русские философы не русские философы) с целью сознательного обособления и псевдо-актуализации через гротескное подчеркивание инаковости и политическую значимость – в итоге мы имеем перед глазами глупые философские стереотипы. Канон не отображает реальную историю русской философии и уводит её в сторону искусственного ограничения внеакадемической, околофилософской и социально-политической беллетристикой. Укажу и на то, что печальным «осложнением» этого канона стала сосредоточенность курсов русской философии на философии Серебряного века.

Не хочу показаться резким и неблагодарным, но далее я изложу своё честное видение ситуации с преподаванием. Удивительное дело, но Вам расскажут о Чернышевском, Писареве, Достоевском – словом, обычно о тех гражданах, кто к философии имел касательное отношение, если вообще имел, но вы практически ничего не узнаете о профессиональной русской философии, её аргументах, методах рассуждения и т.д. Вы услышите про весьма сомнительную концепцию «живознания», вульгарном материализме, культурно-историческом типе, но не про то, как Ф.А. Голубинский тонко и профессионально анализирует понятия бытие в новоевропейской философии, как Н.Н. Страхов строит свою идеалистическую метафизику или как А.А. Козлов выстраивает полномасштабную систему панпсихизма и разрабатывает понятия свойств и субстанций. Вас будут пичкать знаниями о споре славянофилов и западников, но не будут потчевать собственно философией.

Почему так вышло? На это есть три причины. Во-первых, ещё ощущается инерция советской концепции русской философии – отсюда понятно, почему до сих пор студентам приходится читать литературных критиков Чернышевского и Писарева, а не Голубинского или Дебольского. Во-вторых, в 90-е гг. на волне открытия «запретного знания» мы получили удивительный сплав, эдакий имяславский гомункул, советского канона и эмигрантско-интеллигентского фонда «святого» Серебряного века. В-третьих, хуже канона только катастрофическая ситуация с изданием, исследованием и комментированием первоисточников, за исключением тех текстов, что относятся к Серебряному веку. В архивах и библиотеках лежит гигантский пласт собственной настоящей профессиональной философии: той философии XVIII – нач. XX в., что была сосредоточена обычно в духовных академиях. И если уж кто-то и слышал про Голубинского с Кудрявцевым-Платоновым, то кто Вам сможет хоть что-то рассказать про русскую схоластику XVIII в.? Быть может, именно этот факт – наличие необработанных архивов – отпугивает исследователей, но давайте признаем очевидное: до второй половины XIX в. включительно профессиональная философия (а другой хорошей философии обычно быть и не может) делалась в религиозных заведениях и лишь отчасти, уже ближе к концу XIX в., в светских учреждениях. Теперь становится понятным, почему в стандартных курсах ИРФ вы так мало узнаете про метафизические, натурфилософские, психологические, эпистемологические, логические и этические исследования, дискуссии и аргументы русских философов – этим мало кто занимается и мало кто тщательно читал эти книги, ибо проще воспроизводить дискурсы пресловутой русской идеи и проблем культурного самоопределения русской интеллигенции XIX–XX в. и разбирать в очередной раз генологические исследования Соловьёва (совершенно не дурные, но, заметим, заезженные). Всё это делает нынешнюю ИРФ неинтересной

и привносит в её содержание заметную долю душевной политизированности, а отсутствие внимания к профессиональной философии ведёт к тому, что студенты с трудом видят её связь с классической философской традицией и банально не могут связать европейское и русское философское поле (в общем-то с XVIII в. единое, хотя равнозначность была достигнута позднее). К счастью, ситуация потихоньку меняется, но мне бы хотелось, чтобы процесс шёл быстрее: всё же уж очень хочется выкинуть Писарева, Бакунина, Достоевского и Белинского из курсов ИРФ. Поэтому я бы хотел призвать молодых исследователей ИРФ не перебирать очередные листья в коробочке Розанова, а исследовать и, самое главное, публиковать то, что публиковали и чему учили в духовных академиях и столичных университетах, – это настоящая философская продукция, погребённая под столпами и утверждениями истины, и даже если вспоминать о самом «Столпе», то просто обращаю внимание на то, что предшественник автора сей книги по кафедре, А.И. Введенский – философ не менее интересный и гораздо более ясный и точный, но забытый потомками. Итак, кратко подытожу: чем быстрее исследователи приступят к публикации и комментированию первоисточников по академической философии, тем быстрее падёт канон.

Н.И. Герасимов: Пожалуй, что о каком-то подобии «канона» всё же говорить можно. Действительно, из всего многообразия идей, которые рождались в России, много-много лет выбирались те, которые имеют отношение к вполне определённом конкретному философскому сообществу (хотя и очень большому и разнообразному) – к религиозной философии (включая её «имперскую» и «эмигрантскую» ипостаси). Что постоянно выкидывается за пределы? Например, нигилизм. В курсе по русской философии нигилизму уделяется так мало внимания, что студентам становится непонятно, что это такое? Нигилизм всегда рассматривается не как особый интеллектуальный (или антиинтеллектуальный) сюжет, а как грубая по своему содержанию публицистика, за которой не стояло толком ничего (умалчивается не только связь русского нигилизма с нигилизмом мировым, но и вообще какие-либо философские процессы, которые привели к его появлению). Немного лучше ситуация с анархизмом и марксизмом. Главная беда в том, что курс предполагает очень жёсткий вектор – от славянофилов к религиозной философии и далее к философии российского зарубежья. Студентам ничего не говорят про советскую школу (за исключением, пожалуй, спора механицистов и диалектиков). В философии, которая развивалась в СССР, немного «подсвечивают» отдельные имена. Как правило, это А.Ф. Лосев и М.М. Бахтин. О Г.П. Щедровицком студенты часто узнают уже на совершенно других курсах (на онтологии и теории познания, на философии и методологии науки и т.д.). Также обстоит дело с М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорским (которого даже в эмигрантскую традицию не включают) и др. Язык самоописания истории русской философии, таким образом, заимствуется у В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского и других эмигрантов, которые писали о том, что им было важно, о том, что их лично волновало. Их выборка сюжетов не может быть универсальной. Особенно, если речь идёт о составлении курса по ИРФ.

В.В. Сидорин: Если мы говорим про преподавание, то, конечно, оно не может не подчиняться определённым техническим ограничениям и очевидным требованиям культурной социализации: с одной стороны, любой курс ограничен чёткими временными рамками, и мы не можем не производить какого-то отбора, вывода за скобки ту или иную часть отечественной философской истории, с другой – есть какие-то очевидные, базовые – по крайней мере, так сложилось – вещи, которые нельзя не проговорить – те же славянофилы с западниками, софиология и т.д. Возможно, речь идёт о проблеме, свойственной в той или иной степени преподаванию любой научной дисциплины – конфликте между требованиями дидактики и пониманием университетского образования как процесса раскрытия исследовательского потенциала как самой преподаваемой дисциплины, так и студента. Но мне кажется,

что в преподавании ИРФ дидактики и инерции очень много. Я думаю, что, действительно, можно говорить о том, что сложился определённый канон — полтора-два десятка всем известных имён, вокруг которых, как правило, и структурируется ИРФ не только как учебная дисциплина, но и во многом как исследовательская область. Конечно, он сложился не произвольно и имеет существенные основания, однако не будет, на мой взгляд, преувеличением сказать, что он всё же стал своего рода препятствием. Нельзя сказать, что ничего не происходит вне этого канона, но с общей, так сказать, системной точки зрения фактически маргинализированы целые области — например, университетская и духовно-академическая философия XIX в., история марксистской (и вообще левой) философии, множество иных частных и общих сюжетов. Советский период отечественной философии во всём его многообразии вообще всё ещё не существует в качестве целостного объекта исследования и преподавания. Мы откровенно плохо знаем эти семьдесят лет своей философской истории, а студенты, как следствие, получают о них весьма смутное представление. Очень не хватает и попыток поменять господствующую оптику, выстраивающую нарративы вокруг конкретных персоналий и направлений, предложив вместо этого ту или иную проблемную перспективу. Другое дело, что это всё вызовы для ИРФ в первую очередь как научной дисциплины: без серьёзных изменений в исследовательском пространстве вряд ли возможны сдвиги в практике преподавания.

К.В. Забелин: На мой взгляд, отечественный «канон» самодостаточен в плане тем и методов философского исследования. Другое дело — для того, чтобы развиваться, любой «канон» требует исследователей, потенциал которых был бы равномогуществен тому, что этот «канон» в себе аккумулирует. Подлинную проблему я вижу именно в этом. Как кажется, исследователи далеко не всегда способны воспринять и творчески развить тот набор концептов, который русская философия породила из своей матрицы. Да и в целом легкомысленно к ней относятся. А ведь именно такое творческое и вдумчивое прочтение единственно и может позволить продуцировать новые темы и методы без разрыва с традицией. Иными словами, удовлетворить требование продуктивного пересмотра «канона», на мой взгляд, возможно только принимая во внимание его сущностную специфику. Вопросы, поставленные в рамках «канона», должны быть расслышаны исследователями как достойные вопрошания. Только тогда на них могут быть получены ответы, достойные новой канонизации.

А.В. Шиндяпин: Возможно, мой ответ удивит философов, испытывающих чувство досады всякий раз, когда они вспоминают о советском философском образовании, но я думаю, что в философский «канон» было бы полезно вернуть левую политическую философию (главным образом марксизм и анархизм), которая в настоящее время вытеснена из «канона» другими тематическими узлами. Мне представляется это полезным по следующим причинам. Во-первых, это та часть русской философии, чью значимость охотно признают за пределами нашей философской культуры. Было бы странно оставлять её в тени, а не всячески продвигать и пытаться разрабатывать (по крайней мере, внести вклад в политическую философию, ориентируясь на собственную относительно респектабельную традицию и зарубежных философов, воспитанных в духе континентальной философии, проще, чем пытаться догнать англоговорящих философов в метафизике, эпистемологии и философии науки). Во-вторых, это пробудило бы интерес к русской философии со стороны молодых людей, не разделяющих правые политические взгляды (особенно взгляды, тяготеющие к авторитаризму) или далёких от религии. В-третьих, это способствовало бы преодолению стереотипа о нашей интеллектуальной культуре как о культуре, резко отрицающей своё прошлое (в данном случае прошлое, ассоциирующееся с СССР).

Н.А. Червяков: Полноте, да есть ли такой «канон» вообще? Только если в качестве досадного недоразумения, пережитка 90-х гг., приторного послевкуся от прошедшего ажиотажа первого постсоветского десятилетия. А если говорить в целом, то роль канона как такового и в философии, и в искусстве двойственна и противоречива. С одной стороны, он задаёт «правильные» образцы и методы работы для студиязуса, однако, в то же время ограничивает его поле зрения, уча как бы не распознавать в качестве предмета исследования объекты, лишённые канонических характеристик. Глаз ученика, что называется, замыливается и привыкает безукоризненно отделять канонические зёрна от еретических плевел. Это отсеивание «неправильных» философий со временем приобретает автоматический характер, что грозит интеллектуальной стагнацией и отсутствием рефлексии. Отсюда ясно, что чем больше канонов будет создаваться (при условии наличия аргументативной базы), тем интенсивнее и, что немаловажно, интереснее будет как преподавание истории философии, так и бытование внутри самой науки. И в ИРФ создано если не великое множество, то определённое количество канонов, а не один «канон». В частности, можно вспомнить советский канон, для которого русская философия связана совсем не с софиологией и соборностью, а с освободительным движением, практикой как критерием истины и пролетарской революцией. Хотите более утончённых канонов? Пожалуйста: «Очерк развития русской философии» Г.Г. Шпета и «Пути русского богословия» Г.В. Флоровского. Не Зеньковско-Лосским единым. Можно вспомнить и менее известные «истории русской философии» со своими канонами. При преподавании важно предлагать разные каноны, реконструировать их методологии, учить переключаться с канона «религиозная философия» на канон, допустим, «марксистская философия», а оттуда – на канон «богословие» или «философия как наука» и т.д. В противном случае количество текстов по истории русской философии, на полном серьёзе объясняющих историко-философские процессы словами с заглавной буквы (Добро, Абсолют, Провидение... не счесть им числа) или захлёбывающихся пустопорожним словоблудием канцелярита, будет лишь увеличиваться. Современная наука требует вариативности и плюрализма, эвристическая ценность которых очевидна.

3. В историографии русской философии первой половины XX в. были сформулированы специфические характеристики русской философской мысли, плотно укоренившиеся в итоге как в общественном сознании, так и в преподавательской практике – литературоцентричность русской философии, её панморализм, тяготение к историософии, антропоцентризм, главенство религиозной философии и т.д. Не является ли такая «мифология» препятствием для адекватного и актуального восприятия русской философии? Нет ли проблемы в том, что язык современной истории русской философии остаётся во многом языком самоописания русской философии второй половины XIX – первой половины XX вв.?

В.Н. Порус: Ответ на этот вопрос влечёт серьёзные последствия для методологии историко-философского исследования и преподавания истории философии вообще. Когда творится история, соучастники творения видят себя только так, как могут – отнюдь не глазами внешних наблюдателей или потомков. Кое-что им удаётся зафиксировать и понять так, что их оценки остаются без изменений, даже тогда, когда современники уходят из жизни. Но бывает и по-другому: то, что казалось точным, оказывается приблизительным и даже поверхностным; то, что ускользало от внимания или намеренно принижалось, потом выглядит существенным; действительные или мнимые демаркации стираются, противоречия сглаживаются, непримиримые позиции сближаются. Историк философии (так же как историк культуры и науки) находится в центре столкновения «антикваризма» и «презентизма», и как

ему жить да быть в этом центре, это зависит от гибкости его ума и добросовестности исследовательских усилий.

То, что иногда он оказывается создателем или приверженцем некоего мифа, чтобы выпутаться из узлов, сплетённых этими методологическими подходами, объяснимо отнюдь не только недостатками интеллекта или слабостями характера. Случается, что миф просто необходим для самоидентификации и ориентации в идейном и жизненном пространстве. Более того, когда приходит время «развенчания» мифа, укоренённого в сознании, он часто сменяется другим мифом, а не объективно-научным знанием (особенно, когда это «знание о самом себе»; рефлексия, пусть даже запоздалая, трудно уживается с рациональностью и объективностью).

Что делать современному историку, осознавшему, с одной стороны, «мифологичность» самоописания русской философии почти столетней давности, а с другой стороны, претенциозность попыток сменить мифологичность на язык научного исторического анализа? Сохранять спокойствие. Делать то, что подсказывает опыт и здравый смысл. Работать с источниками информации. Отделять вымыслы от фактов. Но при всём том ему нужна ясная (прежде всего ему самому) концепция или схема реконструкции реального историко-философского процесса. Без неё вся работа будет рассыпаться и не привлечёт к себе внимания. И, пожалуй, это самое трудное в его работе.

Трудность в том, что выбор схемы (а их всегда несколько и они конкурируют одна с другой) зависит не только от того, насколько та или иная схема способна объяснить («уложить» в себя) факты. Это вопрос спорный, да и что такое объяснение, когда речь идёт о возникновении и распространении философских идей? На деле выбор схемы во многом зависит от установки историка, позволяющей одни факты переоценивать, другие недооценивать, а в целом «подгонять» интерпретацию фактов под идейные каркасы. Например, миф о «литературоцентричности» русской философии возникает из установки, согласно которой философские идеи для своего возникновения и распространения нуждаются в специальной культурной среде, и всё дело в том, как образуется и устраивается эта среда, – благодаря университетам западного типа или благодаря художественной литературе, удовлетворяющей запросы особой социальной прослойки, – читающей и рефлексировавшей публики. Нельзя сказать, что этот миф не соответствует действительности; но он описывает её и объясняет односторонне, универсализируя своё объяснение и отодвигая в тень другие возможные описания и объяснения причин, по которым философское творчество в России было так тесно связано с литературным процессом, что почти сливалось с ним.

Надо помнить, что выбор схемы реконструкции подвержен конъюнктуре, он во многом зависит от того, какие императивы преобладают или навязываются господствующей идеологией. Это болезненно ощущается, когда происходит слом идеологических прокрустовых лож, в которые втискивались интеллектуальные процессы, и аврально сооружаются новые, для эффективности которых требуется, конечно, не одно только идейное насилие.

Пришло ли время реконструкции схем описания и объяснения ИРФ? Я бы приветствовал попытки обновления, но призвал бы к осторожности, чтобы, высказывая из одних идеологических капканов, не угодить в другие.

К.М. Антонов: Конечно, это препятствие и проблема. Современный человек живёт и мыслит в категориях, существенно отличающихся от тех, в которых формировалась и развивалась русская философия. В современной историографии мы зачастую видим, как исследователь как бы присваивает себе категориальный аппарат русских мыслителей и это влечёт за собой: 1) внутреннюю раздвоенность, когда он вынужден жить и мучиться в одних условиях (современных), а мысль его при этом комфортно существует в других, столетней давности. Из этого вытекает склонность к негативному восприятию современного мира, а вместе с тем и сама русская мысль

воспринимается искажённо, через призму этого негативизма. Русские мыслители попадают в категорию «борцов против современного мира», причем их критика в его адрес радикализуется: ведь предполагается, что современный мир стал куда хуже, чем он был 100 лет назад, когда его критиковали русские философы. При этом не проводится разграничение между риторической и содержательной составляющей критики модерна у русских философов, реальная сложность их позиции игнорируется; 2) исследователь замыкается в себе, отрываясь от своей аудитории, в том числе студенческой. Он либо увлекает её в свой искусственный мир, либо теряет шанс донести до неё действительное значение философских идей русских мыслителей, их понимание мира, которое, на самом-то деле, при непредвзятом критическом анализе очень даже способно её (аудиторию) обогатить.

С этим связана ещё одна, очень важная проблема нашей историографии: мы, историки русской философии, по большей части заняты тем, что *интерпретируем тексты* и идеи наших героев, и в гораздо меньшей степени пытаемся *объяснять факты*, например, что та или иная идея появилась в том или ином виде именно в тот или иной момент культурной истории. Мы отвечаем на вопрос: «Что значит?», а не на вопрос: «Почему?». Именно поэтому нам так трудно оторваться от языка самоописания русской философии. Следует иметь в виду, разумеется, что в гуманитарных науках объяснительные модели не могут претендовать на исчерпывающую полноту, что никакое моделирование не может заменить конкретной работы с конкретным текстом, что здесь неуместен избыточный редукционизм. И тем не менее выявление социальных, культурных, психологических механизмов, обуславливающих возникновение, специфику развития русской философии, её особенности – представляется актуальным делом.

М.А. Маслин: Постоянно воспроизводящиеся в литературе признаки своеобразия русской философии, указывающие на её «антропоцентризм, историософичность и социальную приверженность» отнюдь нельзя назвать признаками «мифологическими», требующими пересмотра или замены на какие-то иные признаки, хотя разного рода дополнения характерных черт русской философии возможны и необходимы. Другое дело, что отмеченные черты своеобразия русской мысли постоянно приводятся без ссылки на первоисточник, каковым является введение В.В. Зеньковского к его двухтомной монографии «История русской философии» (1948, 1950). Это придаёт указанным признакам русской философии, поданным без надлежащих разъяснений, некое априорно подразумеваемое аксиоматическое значение, что не соответствует действительности. Однако эти черты, разумеется, не исчерпывают всего многообразия русской философии и равным образом не отменяют легитимное значение для русской мысли других раскрытых в литературе характерных её черт. Достаточно указать на концепцию Н.О. Лосского, который в противоположность В.В. Зеньковскому и в соответствии со своими собственными предпочтениями, лежавшими в области логико-гносеологической проблематики, указал на первостепенное значение вопросов теории познания для русской философии. (В то время как, по мнению Зеньковского, вопросы теории познания для русской философии второстепенны, а главными для неё являются вопросы смысложизненного характера). Что же касается пресловутого «литературоцентризма» русской философии, то наличие связи русской литературы с философией, выделяемое рядом авторов в качестве родовой черты русской мысли, также не является какой-то уникальной чертой русского философствования. Достаточно вспомнить значение творчества Гёте и Ницше для немецкой философии, Сартра и Камю для философии французской и т.д.

Относительно ответа на вопрос о том, не является ли язык современной истории русской философии во многом «языком самоописания русской философии второй половины XIX – первой половины XX вв.», следует заметить, что и язык русской философии как таковой, и язык истории русской философии отнюдь не являются

какими-то «языками самоописания». Русская философия обращена прежде всего к всеобщему, а не только к своей собственной этноязыковой реальности. Ведь философия – это не лингвистика, которая, в частности, занимается тем, что называется этнотекстами, т.е. сообщениями языковых коллективов о своих собственных этноязыковых особенностях, отличающихся от других, иноязыковых форм. О полной открытости к миру русской философской терминологии говорит, например, абсолютная идентичность значения русского слова «мировоззрение» и аналогичных терминов в немецком и английском языках (*Weltanschauung* и *worldview*). Хотя в русском философском языке использовался и другой, более специфический термин – «миросозерцание», сейчас менее употребимый, но всё же остающийся вполне понятным. Одним из первых аналитиков современной русской философской терминологии был А.С. Пушкин, который обращал внимание на исследование русской языковой стихии, «данной нам для сообщения наших мыслей». Он считал (в отличие от А.С. Шишкова) малоперспективным занятием конструирование философских терминов-славянизмов, отыскание славяно-русских эквивалентов латино-греческим метафизическим понятиям. Поэтому в области философии, согласно Пушкину, отнюдь не зазорно использовать терминологию иностранного происхождения. Всё же закрепление в русской философии определённых терминов, имеющих общеевропейское распространение, может указать не только на языковые, но и на смысловые предпочтения. На Руси философия исконно воспринималась именно в «софийной» (как «любомудрие»), а не «эпистемной» (как эпистема) коннотации, и, соответственно этому, закрепились термины «гносеология» и «теория познания», в отличие от западного словоупотребления – «эпистемология». Хотя со временем термин «эпистемология» также приобрёл распространение.

А.А. Тесля: Здесь старая проблема неразличения предмета и его исследования – где исследование во многом оказывается «повторением», «воспроизведением», в конечном счёте, в идеале – усвоением духа исследуемого. Но если в лучших образцах это прекрасно и одновременно продуктивно – то в массовой практике оказывается тупиком, поскольку исследование подменяется повторением самоописаний, даваемых самим исследуемым объектом.

На мой взгляд – отчаянно не хватает, и это симптом глубокого кризиса дисциплины, работ по современной истории русской философии. Хотя бы даже сугубо описательных – не только по персоналиям или направлениям, но по институтам. Ограниченность, слабость описательных работ вполне очевидна, но они создают необходимый массив и для появления иного – например, работ по истории тех же философских журналов или философских серий как определённых проектов. Взять хотя бы историю «Логоса» – она ведь потенциально предмет целого ряда увлекательных исследований: и о том, как менялась философская среда в России, и как устроена была и есть в динамике экономика этого издания, и какие сюжеты и темы находили резонанс, а какие нет – и где именно, в каких средах, сообществах. История тех же философских факультетов, начиная с МГУ и СПбГУ, могла бы быть потрясающе интересна, – особенно если переходила бы из описания, воспроизведения автонарратива институции, в философское и/или историческое проблемное исследование: как скрещиваются большие университетские и министерские логики с философскими проектами, какие выстраиваются сообщества и по каким принципам. Но, возвращаясь к исходному – на первом шаге очень мало самого простого, философской рефлексии близкой истории философии, живой современности. Примечательно, что ведь и на уровне мемуаров и около-мемуарной литературы – философы не часто порождают тексты, которые претендуют на философское осмысление собственной биографии, ситуаций своего философского существования: это некие «рассказы о жизни». Понятно, что этой биографике и автобиографике есть место – но вызывающе выглядит скудость иного.

Есть в этом и возвратный ход, к исходному вопросу – сама работа над современной историей, над русской философией последнего полувека, способна привести к изменению языков описаний и более отдалённого прошлого. В том числе в разных опытах сборки историй разной длительности.

В.В. Ванчугов: Эти характеристики составлялись участниками философского процесса и его описателями, так что они, в определённой мере – авто-характеристики, формулировки собственного восприятия событий. Каждый видел в происходящем то, что хотел видеть, или смог увидеть, исходя из сформированной обстоятельствами места и времени «герменевтической машины». Все эти формулировки, метафоры-формулы – результаты внутренних проекций на внешний процесс. За этими суждениями далеко не всегда хорошее обоснование, подкрепление материалом. Точнее, материал в многочисленных «историях русской философии» есть, но его структурирование имеет преимущественно произвольный характер. Как сказал бы Данилевский, в науке есть две системы – естественная и искусственная, для которой характерна «произвольная группировка фактов». Преимущественно из последних и формируется, историография русской философии. Но, опять же, оговорюсь, не стоит воспринимать это как нечто исключительно негативное, исключительно как благонамеренные мифологизации со стороны русских философов, приукрашивающих прошлое, и тем самым его фальсифицирующих. Нет, это все продукты интеллектуальной деятельности, инструменты, герменевтические элементы, необходимые и полезные до определённого времени. До определённого, оговорю ещё раз.

Проблемы начинаются лишь с продлением эксплуатации временных концептов. Они – способы проекции, которые в определённый период позволяют увидеть проблему, выделить качество, дать направление, задать алгоритм. Разнообразные характеристики русской философии, обозначенные в вопросе и взятые из круга текстов, – примеры конструирования. Конструкты, модели, ментальные карты. Некоторые хорошо работают, но перестают быть таковыми, если их переносят на сферы большие, чем возможно. «Литературоцентризм», к примеру, – способ проекции на материал, позволяющий понимать некоторый массив текстов, круг явлений, сообщество людей. Ищите философию в русской словесности – и найдёте её там, оригинальную, самобытную. Отчасти это верно. Но верно ли в принципе? Для этого необходимо предоставить убедительные аргументы. Но их нет. Есть фрагментарные рассуждения. Тем не менее на убеждении в «литературоцентризме» можно всё же вести интеллектуальную игру, которая отчасти поможет как в восприятии прошлого философии в России, так и подействует кому-то и в настоящем, в его опытах формирования новой философии. Но делать ставку на этот конструкт как абсолютно убедительный и универсальный – путь к мифологизации. Все перечисленные «конструкты» – продукты своего времени, которые его и объясняют. Проясняют, но не делают всё абсолютно ясным и понятным, и всё прошлое – воплощением истины.

И в наше время нужны и новые конструкты, и деконструкция. Только вот деконструкторы должны быть профессионалами. Хороший и полезный деконструктор – тот, кто сам конструктор. А так мы получим просто очередных ниспровергателей прошлого, пост-нигилистов.

А.В. Малинов: Историография русской философии насчитывает без малого два столетия, если начинать её от «Истории философии» архим. Гавриила (Воскресенского). На рубеже XIX–XX вв. историографическая рефлексия дала ряд содержательных результатов. Первый период историографии русской философии завершился в 1922 г. Далее мы можем говорить об эмигрантской, советской и постсоветской историографии русской философии. «Классические» труды по истории русской философии появились в эмиграции (Б.В. Яковенко, В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский).

В них, прежде всего, и были сформулированы основные черты русской философии, т.е. те темы и сюжеты, которые преимущественно привлекали русских мыслителей. Я бы не стал их называть «мифологией» или вкладывать в это слово отрицательный смысл. Всё же историю или истории русской философии писали не глупые люди. Они, конечно, исходили из определённых философских или даже религиозных предпочтений, из своего понимания философии, но, думаю, не стремились к намеренному искажению или идеологизации русской философии. Мне трудно заподозрить их в интеллектуальной нечистоплотности. В статьях по теоретической философии Вл.С. Соловьёв говорил о добросовестном мышлении, с которого начинается философия. Работы Г.Г. Шпета, В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского и др. по истории русской философии, полагаю, дают пример такого добросовестного мышления. Обозначенный ими репертуар русской философии «работает» до сих пор и позволяет достаточно адекватно описывать явления русской философии, которые по той или иной причине не вошли в их исследования. Хотя мы живём в другом столетии, но принадлежим к той же историко-культурной эпохе, хотя уже, может быть, и близящейся к завершению, что и авторы первых обобщающих трудов по истории русской философии, поэтому можем себе позволить говорить на том же языке, осмыслять русскую философию в тех же координатах, которые были ими предложены. Другое дело, что сейчас завершился постсоветский период русской философии, продолжавшийся около трёх десятилетий, который, вероятно, можно назвать периодом вторичного ученичества или даже философской моды. Недавние политические события, кажется, подвели под ним совсем не символическую черту. В философию пришло новое поколение, от которого стоит ожидать и новых идей, по крайней мере, большей самостоятельности в мышлении, меньшего следования смене философской моды, меньшего оглядывания на чужие авторитеты. Если философия выдержит политическое давление и сохранит главное условие философского творчества – свободу мышления – то можно ожидать новые положительные результаты русской философии. Насколько выработанный историографией язык описания русской философии будет адекватен для наступающего нового этапа, сейчас сказать невозможно.

М.В. Шпаковский: Что касается языка описания ИРФ, то я не вижу проблемы в том, что она описывается своим собственным языком, но только если мы правильно понимаем этот подход: сложность возникает тогда, когда этот язык подменяет дескриптивный и аналитический подход в исследованиях терминологии, концепций и аргументации. В идеале мы должны описывать сухим научным аппаратом содержание сочинений (или идеи) того или иного автора, максимально воздерживаясь от интерпретаций с помощью понятий других ангажированных школ, как бы со стороны и, насколько возможно, объясняя взгляды философа исходя из его слов, определений, логики и тех источников, которые были ему доступны. Хороший историк философии подобен сдержанному, сведущему и аккуратному комментатору и разъяснителю сочинений, но он не должен вести своё исследование так, словно разговаривает с условным Соловьёвым на его приватном языке, ведь тем самым он герметизирует своё исследование и делает его неинтересным даже для коллег, которым в такой ситуации проще читать сами первоисточники, чем подобное исследование. Я не случайно педалирую тему дескриптивного подхода, предшествующего любой интерпретации, ибо именно от него удобнее всего перейти к актуализирующему языку интерпретации. В данном случае таким наиболее подходящим языком был бы метод аналитической истории философии, отлично апробированный в исследованиях античной и схоластической философии. Он особенно хорош тем, что позволяет точно формулировать изучаемые концепции сразу на более-менее понятном и современном техническом языке и ещё в такой форме, что ставит эти концепции в удобное положение для методов концептуального анализа во всём его современном техническом вооружении. Сверх того, язык аналитической истории философии

позволил бы нам сразу понять, какое место в современной картографии течений аналитической философии заняли бы наши русские авторы по своим воззрениям, как когда-то они занимали своё на карте европейских философских течений дореволюционной поры. Быть может, мы могли бы лучше осознать, какие идеи стали бы быть действительно ценными сейчас (хотя бы в силу проработанности), а какие – просто сами по себе интересны и свежи для развития. Поэтому я предлагаю не изобретать мудрёные методы современной интерпретации, а использовать то, что и так хорошо работает, но при этом даже не выжимало соки на нашем поле.

Н.И. Герасимов: Сама идея «инаковости» русской философской мысли очень интересна. Вместе с тем это весьма «опасный сюжет» для студенческого сообщества, которое уже «перекормлено» рассуждениями про то, что у России исторически особый путь (никто не спорит, что такой же особый путь есть у Швеции, у Норвегии и т.д.). Студент боится слова «духовность». Он часто с опаской поглядывает в сторону Н.Я. Данилевского, но с охотой смотрит в сторону О. Шпенглера. Почему? Философия О. Шпенглера не вписана в дискурс об особом цивилизационном пути России. Об этом пути можно говорить, но когда весь курс по ИРФ оказывается связан с «инаковостью» интеллектуальной традиции отечественных мыслителей, то становится не по себе. Много подаётся, к сожалению, дидактически. От студентов не требуется критически анализировать специфику философского знания в России. Предлагается опираться на те штампы, которые были выработаны с опорой на историографии В.В. Зеньковского и Н.О. Лосского. Имеем ли мы дело с мифологемой? Да. Это препятствие? Да.

В.В. Сидорин: Самоописания русской философии первой половины XX в., на мой взгляд, чуть ли не тотально господствуют в практике преподавания ИРФ: при этом речь не только об апологетике Зеньковского или Лосского, выстраивающих повествования о специфике отечественной философской культуры, но и о критических историях Яковенко и Шпета, – предпочитаемая оптика будет зависеть от личностных предпосылок преподавателя/исследователя, лежащих при этом, как правило, где-то на уровне аксиоматики, но эта оптика в любом случае оказывается автопортретом русской философии, писанным около века назад. Конечно, это мешает. В конечном счёте, если преподавание выстраивается на дидактической трансляции этих самоописаний (особенно первых двух), то зачем вообще такой курс, если можно самостоятельно ознакомиться со всеми четырьмя – для равновесия оценок – историями и считать дело культурной социализации завершённым. Язык современной ИРФ, мне кажется, действительно во многом продолжает оставаться языком самоописания русской философии первой половины XX в. С одной стороны, это проявляется в некритическом использовании философских понятий, категорий, концепций прошлого в современном культурно-историческом контексте, с другой – в принципиальном отказе от работы с данным концептуальным аппаратом. В одних кругах люди будут употреблять, например, термины «соборность» или «русская идея» как нечто само собой понятное (хотя это было не так даже в эпоху рождения этих «философем»), в других – подобное употребление будет означать прекращение разговора по существу. Но мне не кажется верным ни одно, ни другое.

К.В. Забелин: Действительно, ситуация с языком в русской философии является напряжённой. Его анахроничность проблематизируется справедливо. Я бы только несколько сместил акцент в понимании этого напряжения. Проблема не в самом наборе паттернов, а в том, что зачастую этот язык и эта «мифология» не вполне инструментализированы или эта инструментализация проведена без достаточно глубокой рефлексии. Отсюда высказывания на этом языке оказываются как бы лишёнными энергии смысла, пустыми и тавтологичными. Словом, мертворождёнными, анахроничными. В этом смысле следовало бы, наоборот, поставить задачу прорыва

к «канону». Необходимо вжиться в самую его «мифологию», принять её в живом естестве. Назад, к самому «канону»! Конечно, для этого в первую очередь необходимы новые качественные историко-философские исследования, свежий взгляд как минимум на ту самую вторую половину XIX – первую половину XX вв., которые позволили бы ухватить смысл этого переломного для русской мысли и России вообще периода.

А.В. Шиндяпин: На мой взгляд, эта «мифология» не является препятствием для адекватного и актуального восприятия русской философии, если мы воспринимаем её как один из возможных способов формирования общего представления о русской философии, как первое приближение, за которым должна последовать серия уточнений (меняющаяся от одной студенческой пубрики к другой). Если в какой-то момент историки русской философии обнаружат, что эта «мифология» систематически приносит больше затруднений, чем пользы (допустим, обнаружат то, что она вызывает у студентов предубеждения и даже неприятие), то им просто следует заменить её на другую «мифологию», более пригодную для образовательной среды, в которой они работают, и для публичных выступлений за пределами этой среды (но для этого, разумеется, должны разрабатываться и тестироваться в процессе образования новые «мифологии» и способы их уточнений).

Н.А. Червяков: Проблем с этими мифологемами нет – кроме того, что они набили оскомину и морально устарели. Однако позитивистское требование отсутствия мифов в научном познании (в том числе гуманитарном) имеет очевидную узость взгляда, к осознанию чего и пришли постпозитивисты. Освобождение от мифологий – само своего рода мифология, что было показано ещё А.Ф. Лосевым и закреплено Р. Бартом. Ситуация с описываемыми выше характеристиками русской философии (литературоцентричность и т.д.) показывает, насколько «мифология», воцарившаяся в истории этой философии, гомеоморфична тому, что она пытается описывать и исследовать. Неудивительно отсюда, что в «Истории русской философии» Н.О. Лосского большой раздел посвящён самому автору. Русская философия и история русской философии, таким образом, соединяются в идейно-идеологический континуум, достаточно экзотеричный для поверхностной критики и в то же время достаточно эзотеричный для запрета в него вступать. Однако, продолжая идею М. Маяцкого², можно подставить вместо «истории русской философии» «историю французской философии» и получить, что история французской философии литературоцентрична (Камю), панморалистична (Руссо), историософична (Монтескье), антропоцентрична (Монтень), теологична (де Местр). Эти потешные кульбиты показывают, насколько не(до)определённой является специфика русской философии. Ещё более абсурдной является попытка определять специфику русской философии через обращение к другим формам творчества: и тогда философией становятся древнерусские храмы, иконопись, богослужебная музыка. В таком случае неясно, чем готическая архитектура уступает в философичности новгородской, фрески Микеланджело – «Троице» Андрея Рублёва, а мессы Окегема – знаменному распеву? Встаёт закономерный вопрос: а стоит ли вообще выделять сущностные

² «Постараемся, впрочем, на минуту оставить Россию в покое. Кто сомневается, что именно у неё настоящие, подлинные проблемы (а всё остальное во всем мире более или менее с жиру бесятся), что именно она больше всех пострадала в недоразумении под названием Всемирная История, что именно у неё нету, не в смысле “мало” или “не такая”, а по-настоящему нету, нема философии, нету больше, чем у кого бы то ни было, и что тем она Творцом и мечена? Да никто не сомневается, и давайте успокоимся и забудем. Если это возможно. Если можно русскому человеку, читая африканских философов, забыть и не ловить себя то и дело на том, что он просто называет белое чёрным, что читает о себе, что часто достаточно заменить “африканский” на “русский”, и всё точно...». См.: *Маяцкий М.* Старшие братья по разуму. Лечим африканской философией комплекс русской исключительности // Логос. 1999. № 1. С. 11.

атрибуты русской философии, не является ли такая попытка лишь мыслительным плодом девятнадцатого столетия, весьма подгнившим за век двадцатый? ИРФ не знала ни своего функционализма, ни своего структурализма. Её ещё ждёт целая кладовая неиспользованных инструментов исследования.

4. Нужно ли актуализировать русское философское наследие, рассматривать историю мысли в связи с современностью, «переводить» философов прошлых веков на язык современной философии? Каковы могли бы быть пути этой актуализации?

В.Н. Порус: Здесь всё та же трудность сочетания методологии «антикваризма» и «презентизма». Во многом оно зависит от исследовательских и преподавательских целей, какая из них выходит на первый план и подчиняет себе другие. Если исследователь преследует главным образом «палеонтологическую» цель – входя в детальный разбор исторического контекста, восстановить реальную картину философского процесса, подобно тому, как палеонтологи по костям и другим биологическим остаткам восстанавливают реальный облик давно исчезнувших животных и определяют свойства их организмов, совокупность условий обитания и причины гибели – это одно дело. Занимаясь этим, исследователь не должен слишком увлекаться «осовремениванием» мыслей философов прошлого, сохраняя дистанцию между принятыми сегодня интерпретациями и самими этими мыслями, некогда жившими в ином, отличном от сегодняшнего, культурном контексте.

Другое дело, когда задача – максимально сократить эту дистанцию. Поставить акцент на решавшихся тогда и сегодня одних и тех же проблемах, точнее, на их «инвариантах», сквозящих через толщу исторических контекстов и сохраняющих неизбывную актуальность. Собственно историко-философское исследование при этом становится подспорьем для проблемного анализа. Именно это иногда оказывается самым интересным для студентов. Мыслители прошлого при этом становятся словно бы нашими современниками, участвующими в сегодняшнем дискурсе. С ними можно соглашаться или спорить, но при этом вести разговор на одном и том же языке, игнорируя или отодвигая в сторону различия в понимании.

Это рискованный путь, на котором могут быть передержки, ошибки, преувеличения или недооценки, за которые можно подвергнуться обоснованной критике. И всё же путь привлекательный. Я в своей преподавательской практике нередко его избирал и не жалею об этом, хотя не всегда достигал успеха. Если бы у меня спросили совета, я бы сказал: «Выбирайте этот путь, но помните о рисках!».

На одной из моих лекций по курсу «Проблема смысла жизни в русской философии и художественной литературе» я получил вопрос от студента: «Неужели проблемой смысла жизни в русской философии занимались только религиозные философы-идеалисты? А что же материалисты? Ведь мы теперь знаем, что современная наука, использующая компьютерную технику, может вполне материалистически описать и объяснить то, что идеалисты называли душой, моралью и даже Богом!». Вопрос, конечно, наивный, но дело не в этом. Лет сорок-пятьдесят назад, вероятно, столь же пытливым студент мог бы спросить: «Неужели в наше время совсем нет философов-идеалистов, рассуждающих о смысле жизни, душе или Боге?». Маятник истории русской философии с тех пор качнулся в другую сторону. Не пора ли его остановить?

Тот, кто «актуализирует» историю философии, должен иметь позицию по обсуждаемым вопросам, свою собственную или заимствованную у других мыслителей, но не может сохранять «объективистский» нейтралитет по отношению к противоборствующим идеям. Иначе он был бы не участником дискуссии, а её сторонним наблюдателем. Но позиция наблюдателя или «модератора» плохо соответствует роли преподавателя. Во всяком случае, здесь многое зависит от темперамента, эмоционального напряжения, реальной заинтересованности преподавателя в результатах дискуссии, да и просто честности. Это требует большой самоотдачи и расхода

душевных сил. Далеко не все способны на это и хотят этого. Вот почему я называю «актуализацию» истории философии в учебном процессе рискованным, хотя и очень привлекательным делом.

Примером может быть всё то же обсуждение проблемы общественного идеала в ИРФ. Познакомив студентов с мыслями об общественном идеале, которые высказывались Ф.М. Достоевским, Вл.С. Соловьёвым, П.И. Новгородцевым, Г.П. Федотовым, преподаватель неминуемо переходит к вопросу об актуальности этой проблемы в современных реалиях. Тем самым затрагивается огромный спектр тем: от критики общественного сознания до разбора постмодернистских аргументов против языка культурных универсалий. Хватит ли компетенций и желаний, чтобы ориентироваться в этом спектре, у студентов, да и у самого преподавателя? Вот я и говорю: это путь благородного риска.

К.М. Антонов: Да, я думаю, что актуализация наследия русских философов необходима. Однако мне кажется, что она не должна идти по пути популяризации расхожих штампов. Обращение к ИРФ может быть очень актуальным для современности (так же как обращение к любой философской классике, начиная с античности), при условии, что мы соблюдаем правила её корректной интерпретации: отдаём себе отчёт в том, что условия, в рамках которых возникла та или иная мысль, имея определённое сходство с современными, тем не менее существенно от них отличаются; в частности, что отличается базовая полемическая ситуация, в которой интересующая нас мысль впервые была высказана; что мы, вполне вероятно, не очень хорошо представляем себе контекст её возникновения, выразившиеся в ней влияния мировых философских традиций и т.д.

При соблюдении этих условий важным инструментом актуализации может быть сопоставление идей русских философов с современными трендами мировой философии. Здесь тем не менее надо опасаться некоторых ловушек: ловушки омонимии, когда использование похожего термина мы принимаем за близость мысли; ловушки оригинальности, когда мы общее место в рамках некоторой философской дискуссии принимаем за оригинальное достижение русской мысли; ловушки подражательности, когда мы, напротив, недооцениваем оригинальность русских философов. Обнаружить некоторую проблему, которая действительно является общей для русской мысли и современной философии, – хорошее дело, однако не менее важно научиться видеть пределы этого сходства, зафиксировать различие интенций и подходов. А ещё лучше – постараться показать, почему обращение к русской мысли в данном контексте оправдано её содержанием, что говорят русские философы такого, чего не сказали другие (если они действительно что-то такое говорят) – и представить это без ложного самомнения, без претензий на абсолютную уникальность, как элемент общей философской работы.

М.А. Маслин: Распространение в русском философском языке свойственных западной философии терминов (таких как эпистемология) само по себе свидетельствует в пользу органического усвоения на русской почве нужных ей концептов и понятий. Здесь, как представляется, противопоказана какая-либо специальная «актуализация», ибо язык сам отыщет пути к тому, чтобы освоить нужные слова и смыслы. Таким образом, например, на памяти одного-двух поколений произошла замена громоздкого слова «электронно-вычислительная машина» на компактное – «компьютер». Однако и русский язык, в том числе и философский язык, в свою очередь оказывает влияние на внешнюю языковую среду. Укажем в связи с этим на русское слово «интеллигенция», которое, согласно известному словарю Collins, принадлежит к числу наиболее часто употребляемых слов русского происхождения в английском языке. Энциклопедия «Русская философия», выходящая 4 раза под общей редакцией автора этих строк, каждый раз в расширенном и дополненном виде (2007–2022 гг.), её переводы на сербский (2009) и французский (2010) языки, свидетельствуют о росте

распространения идей русской философии за рубежом, в странах не только Запада, но и Востока. Об этом говорит содержание статей энциклопедии об исследованиях русской философии в Германии, Белоруссии, Италии, Китае, Польше, Сербии, Франции, на Украине.

А.А. Тесля: Это – один из путей, т.е., на мой взгляд, это более чем интересное при должном исполнении занятие при условии, что оно не вытесняет других путей интерпретации и понимается как своеобразная трактовка, исходно не-аутентичная.

Самому мне представляется, что один из важнейших путей к актуализации – это историческое исследование, восстановление контекста. Понимание того, что там, где на первом ходе кажется сказанное автором интуитивно понятным, узнаваемыми словами, которые мы повторяем и сейчас – в своём времени имеет радикально другой смысл. Например, когда Погодин рассуждает о «Востоке» и «Западе», о разных путях истории – он, если восстанавливать контекст, говорит о Востоке и Западе Европы, продолжает рассуждения Гизо и полемизирует с ним – утверждая, что предложенная им модель интерпретации европейской истории из его же собственных оснований не объясняет истории второй её половины, Востока. Мысль, которая кажется стёртой, удобопонятной и подручной, – при реконструкции авторского вопроса оказывается парадоксальной, напряжённой, собственно – впервые появляется как мысль, а не идеологическое клише. И если мы отказываемся от прямолинейного прогрессизма – то люди прошлого понимали не меньше своё, чем мы понимаем своё, – и тогда история это ещё и способ удивиться, обрести в прошлом альтернативы для собственной мысли, не как прямолинейное приложение, а как понимание, развитие навыка мыслить иначе.

В.В. Ванчугов: Я полагаю, что да. По крайней мере, я этим занимался и занимаюсь. И мой скромный опыт показывает, что в этом деле нужна большая контекстуальная работа, усилия по формированию совокупности порождающих смыслы условий. Для этого современным философам необходимо знать историю всемирную, региональную и локальную. У нас же плохо знают историю и в целом, и в частности, а если что и знают, то часто превратно понимают, настраивая свои «герменевтические машины» политическими или религиозными средствами. Нет ни знаний, ни вкуса к историческому, отсутствует чутьё к жизни в виде её прошлого. Работа над контекстом подразумевает также хорошее понимание литературного, политического и религиозного процессов, что также требует дополнительных усилий. Для меня, например, «дополнительные усилия» – это норма, если ты действительно живёшь наукой. Но для кого-то это лишь «обуза», которую они избегают всеми доступными способами. Как историк философии я понимаю актуальность деятелей прошлого – делам настоящего. Прошлое, образно выражаясь, переодетое, иначе облачённое настоящее, и следует овладеть техникой, чтобы показать совпадение времен, духа эпохи. При этом следует учитывать, что формирование контекста может восприниматься современниками как «уход» от главного, подмена темы, манипуляция сознанием и проч.

А.В. Малинов: Русская философия актуальна настолько, насколько актуально мышление на русском языке. Поскольку мыслить можно лишь самому, то русская философия – это самостоятельное мышление на русском языке и в русском языке. Во-первых, не надо бояться мыслить, а во-вторых, не надо бояться заново промыслить идеи русских философов. Тексты XVIII в. могут быть трудны для восприятия, но философские тексты XIX в. и последующего времени уже написаны в пределах той языковой нормы, которой мы придерживаемся до сих пор. Они не нуждаются в адаптации или переводе. Более того, многие из них могут служить образцами, как по языку, так и по культуре мышления, которому надо следовать. Какие-то концепции русских философов, действительно, могут отвечать на те вызовы, которые диктует российскому обществу современность. Обращение к ним буквально может

быть своевременным, а значит, и современным. Однако лучшим способом актуализации русской философии будет использование понятий, терминов, идей, высказанных русскими философами, в современном философском дискурсе. Необходимо сделать язык русской философии частью нашего собственного мышления.

Н.И. Герасимов: Да! Конечно! Пока история русской философии преподаётся как набор сюжетов из далёкого прошлого. Преподаватели очень редко обращают внимание, что русская философия продолжалась и дальше через СССР и Российское зарубежье вплоть до 1990-х гг. Представляете, насколько студент был бы сильнее мотивирован, понимая, что наследие тех же евразийцев сказывается (пусть и косвенно) на политическом контексте современного мира.

В.В. Сидорин: Актуализация – подлинная, научная, а не политическая, общественно-политическая и т.д. – русской философской мысли представляет собой очень сложную, но необходимую задачу. С одной стороны, она проблематична по вполне прозаичной причине: чтобы актуализировать отечественную философскую мысль, необходимо прекрасно ориентироваться не только в ней самой, но и в том современном проблемном поле, в которое её хотят включить. Очевидно, что всё большая научная специализация достаточно успешно этому противостоит, на что накладывается и упомянутый мною выше «корпоративный разрыв» внутри российского философского сообщества. С другой стороны, есть немногочисленные, но тем более интересные попытки актуализировать тот или иной пласт отечественной философской истории в контексте, например, проблематики современной философии религии, исследований постсекулярности или политической философии республиканизма. Подобная актуализация – глубоко творческий процесс, пути, возможности и пределы которого трудно предугадать, но без подобного поиска отечественная философская мысль прошлого обречена в лучшем случае на мемориальное существование, а в худшем – на псевдо-актуализацию идеологического характера. И принципиально важной здесь оказывается комплексная историко-философская работа: только масштабное академическое (историко-философское, историческое, филологическое) освоение русской философской мысли во всей её полноте, противоречивости, многообразии оттенков и нюансов может стать предпосылкой для её действительной актуализации в современном контексте, а, наоборот, отсутствие такой работы – что и приходится с сожалением констатировать, радуясь редким исключениям, – оказывается благодатной почвой для разнообразных спекуляций.

К.В. Забелин: Да, разумеется. Другое дело, что невозможно осуществить вдумчивый перевод на язык современности без проникновения в смысл и историю тех философских построений, которые предстоит перевести. По этой причине задача, опять же, в немалой степени сводится к тому, чтобы освоить язык наших предшественников, понять его как живой и деятельный. Многие исследователи относятся, скажем, к концепции всеединства Вл. Соловьёва как к философскому антиквариату, своего рода музейной ценности. И это в лучшем случае. Иные же просто считают это чудачеством и не берут в серьёзный философский расчёт. Между тем запрос на цельное и рефлексивное мировоззрение в эпоху отмирающего постмодерна более чем актуален. И интуиции Соловьёва вполне могли бы послужить если не концептуальной основой, то подсказкой, в каком направлении необходимо двигаться.

А.В. Шиндяпин: Я полагаю, что историкам философии всегда нужно заботиться об актуализации той части философского наследия, с которой они знакомят новые поколения студентов. Если говорить более радикально, то вопрос об актуализации не должен предоставлять историкам философии выбор (актуализировать vs не актуализировать), он должен быть вопросом о том, за какую актуализацию имеет смысл браться. Во всяком случае, историкам философии, занятым преподавательской деятельностью, а не погружённым исключительно в историко-философские исследования. Актуализация важна не столько для преподавателя (который, впрочем,

может благодаря ей взглянуть на что-то хорошо известное свежим взором и внести уточнения в свои реконструкции), сколько для студентов: это позволяет оживить образовательный процесс (ведь обсуждать тексты, в которых можно найти ответы на тревожащие молодой ум вопросы и проблемы, в целом гораздо интереснее, чем обсуждать тексты, имеющие значение лишь с исторической точки зрения), почерпнуть из курса по ИРФ материалы, интуиции и наработки для собственных исследований и избежать ощущения того, что очень многое из курса в скором времени забудется после экзаменов. В самом общем виде у актуализации есть два пути: (1) присоединение к имеющимся дискуссиям и (2) организация новых дискуссий. В случае (1) мы просто смотрим на то, какие проблемы и вопросы обсуждают ведущие российские философы и пытаемся найти ответы на эти проблемы и вопросы в текстах, относимых к наследию русской философии, или хотя бы фрагменты, пригодные для рациональной реконструкции, если эти проблемы и вопросы не ставятся русскими философами в том виде, в каком они ставятся сегодня. В случае (2) мы ищем в текстах, относимых к наследию русской философии, вопросы и проблемы, обсуждение которых в перспективе может быть интересно авторитетным философам и студентам, которые будут изучать ИРФ, а также разного рода соображения, с помощью которых можно эффективно или занимательно обсуждать современные культурные феномены.

Н.А. Червяков: Актуализация русского философского наследия – вопрос сложный. С одной стороны, она необходима, поскольку смыслы, произведённые русской философией, не умерли и отчасти продолжают своё существование в оригинальных концепциях современных русских философов. Нельзя представить и современную культурологию без обращения к идеям и концепциям русских философов. Блестящими примерами «перевода» философов прошлых веков на язык современной философии являются такие фигуры, как С.С. Аверинцев, В.В. Библихин, Г.С. Кнабе, В.Л. Цымбурский. Представляется, что именно такими путями должна осуществляться сегодняшняя актуализация, если уж за неё браться. Возможна и другая актуализация – через обращение к смежным областям знания. Так, идеи Григория Сковороды о «внутреннем человеке», Наркиссе и счастье, обитающем в душе человека, вполне могут быть применены как философское основание для self-help практик (естественно, при качественном языковом и концептуальном переводе). Используют же стоицизм как стратегию жизни (Массимо Пильюччи). С другой стороны, любая актуализация в определённой степени редуцирует и основания, и аргументативность, и следствия философского раскрытия идей. Поэтому вряд ли при актуализации русского философского наследия можно избежать как исключительно вычитывания идей, так и вчитывания собственных установок, предрассудков. Но пытаться пройти сквозь Сциллу и Харибду двух этих неотменяемых механизмов – задача по-настоящему и в достаточной степени благородная.

5. Видите ли Вы недостаточность системной подготовки историков русской философии в высшей школе – отсутствие специальных курсов (источниковедение, архивоведение, текстология, древние языки, научное комментирование и др.)? Какие ещё изъяны в системе философского образования кажутся Вам наиболее существенными в контексте поставленной проблемы?

В.Н. Порус: Я был бы законченным и неисправимым оптимистом, если бы не видел в нынешней системе подготовки специалистов по русской философии недостатков – тех, какие названы в вопросе, и многих других. Справедливости ради скажу, что эти же недостатки присущи практически всем другим направлениям философского образования, так что русская философия здесь вовсе не исключение. Перечислять недостатки – дело неблагодарное, ибо о них все знают, а как их можно устранить, кажется, не знает никто. Точнее, никто не скажет, где найти для их

исправления нужные средства, охотников до таких подвигов, добрую волю и стратегическое видение проблемы.

Главное, чего нам недостаёт, это понимания, зачем нужна русская философия в вузовских программах. И скажем честно, этого понимания достичь трудно. И дело не в самой по себе русской философии, а в общей целенаправленности университетского образования. Если она лишь в том, чтобы готовить квалифицированных конкурентов на рынке труда, то, пожалуй, не только русская, но и всякая другая философия в университете, – приживалка. Но говорить о других, *высших* целях *высшего* образования сегодня, увы, старомодно, и разговор этот затихает, не начавшись. В оскудении целей образования мне видится признак вырождения не только системы высшего образования, но культуры в целом. Однако, это другая тема.

К.М. Антонов: Опять-таки, соглашусь с постановкой вопроса. Хороший обзорный курс, рассказывающий об основных архивах русской философии, – как тех, которые сейчас находятся на территории России, так и зарубежных представляется очень важным, как и практическое введение в основы архивной работы. Очень большое значение мог бы иметь постоянно действующий семинар по медленному чтению и комментированию русских философских текстов, обучающий основам научного комментирования. Что касается изучения языков, то здесь, мне кажется, особое значение имеет изучение немецкого языка: русская философская культура во многом выросла из немецкой и тесно связана с ней. Русские философы начиная с 20-х гг. XIX в. читали немецких философов на немецком языке, учились у них, осваивали их тексты и идеи. Без этого понимание русских философских текстов кажется затруднительным. Более того, для историков русской философии курс истории немецкой философии должен быть адаптирован специальным образом, он должен включать в себя не только привычных классиков и их продолжателей, но и такие сюжеты, на которые обычно времени не хватает или выделяется мало: Хр. Вольф и его последователи, поздний Фихте, поздний Шеллинг, Фр. Баадер, Лотце, Тейхмюллер, Эд. фон Гартман, Шуппе, Липпс, эмпириокритицизм, неокантианцы второго и третьего ряда и т.д.

М.А. Маслин: Как представляется, особая «системная подготовка» историков русской философии, отличная от подготовки по соответствующей ваковской специальности «История философии», не нужна. Историки русской философии, так же как и историки зарубежной философии, должны иметь соответствующую языковую подготовку, знать классические языки, хотя бы потому, что значительное количество текстов русской философии вплоть до XVIII в. создавалось на латыни и древнегреческом, а также на церковно-славянском языке. Кроме того, многие произведения русской философской мысли создавались на основных европейских языках – французском, немецком, английском, а также на славянских языках, что также предполагает необходимость их знания. Идеальный специалист по русской философии должен быть также квалифицированным антиковедом, византологом и медиевистом, примерами чему служат такие классики русской философской мысли, как С.Н. Трубецкой, Г.В. Флоровский, Г.П. Федотов, Л.П. Карсавин, А.Ф. Лосев и другие корифеи. Нельзя не отметить всё более актуальную для историка русской философии необходимость знания и восточных языков, особенно китайского, поскольку в последние годы и десятилетия Китай становится быстро развивающимся мировым центром изучения русской философии, о чём свидетельствуют постоянные публикации китайских учёных в журнале «Вопросы философии» и организация постоянных всекитайских научных конференций историков русской философии.

А.А. Тесля: Чаше всего не хватает именно исторического образования, представления о времени и изменчивости. То есть до сих пор не только десятками встречаются диссертации, но и нередко монографии, вроде бы формально посвящённые истории философии, анализу воззрений того или иного автора, а на деле построенные

по модели: глава первая излагает «творческий путь», а следом в каком-то наборе глав – «воззрения», при этом состыковываются без всяких оговорок суждения, относящиеся к разному времени, без резонного вопроса – а можно ли их просто помещать в один ряд? В какой момент это сформулировано, в ответ на какую проблему? Очень редко можно увидеть внимание к языку автора, зачастую исследователи безмятежно допускают перефразировку «своими словами» – так, как если бы проблемы перевода не существовало (и сама операция перевода не становилась значимым исследовательским методом). Словом, мне думается, были бы очень полезны для подготовки специалистов по истории русской философии курсы по разным аспектам интеллектуальной истории, институциональной, политической – т.е. представление о многообразии исторического знания и, главное, методологическая рефлексия. Что нет единого способа писать «историю философии», неважно – национальной, истории школ/направлений или эпох. И что история философии должна оставаться именно философией или же осознать, что её акцент – на другом, что она перемещается в пространство, например, интеллектуальной истории – и вновь с пониманием, что это другой способ задавать вопросы, другой предмет интереса и способ аргументации.

В.В. Ванчугов: Современным студентам подобные курсы кажутся сложными, архаичными. Впрочем, не так много среди нас тех, кто в состоянии взять текст, даже фрагмент его, и использовать как «частный случай», как «портал» – точку входа в мир смыслов и образов, и через полиграфию (размеры листа, окрас, водяные знаки, шрифты), редакционную политику, стилистику, подачу материала и прочее, ввести в пространство культуры, туда, где жил автор, создавался «манифест» того времени в виде журнальной публикации, монографии, газетной заметки, дневника; показать ритм времени, алгоритмы творческой работы, почему они были именно такими, и почему не могли быть другими, и отчего сегодня мы должны что-либо делать иначе, но при этом и в сочетании с прошлым. Но, как мне кажется, современный культ гипертекста, формально содействуя облегчению проведения «интеллектуальных исследований», делает непривлекательным долгое и систематическое обучение в формате специализированного спецкурса. В итоге угасание древнего ремесла – сегментированное погружение в азы профессии, в прошлом представленное в виде спецкурсов текстологического плана. С другой стороны, сказывается и слабое владение современными технологиями.

Особо следует отметить, в ряды негативных явлений, – превращение философии в ремесло, которое поддаётся стандартизации, измеримости, прогнозированию, планированию. Исчезло отношение к философии как свободной, в основе своей, творческой профессии. Что здесь необходимо определённое умонастроение, включая вдохновение, что возможны и даже полезны паузы – периоды безделья. Интеллектуал должен иметь возможность какое-то время позволить себе «капризы» – «полежать на диване» в формате «а-ля Обломов», поискать себя в чём-то другом. Потом всё компенсируется. Потому как свобода содействует креативности. Но имеющаяся система содействует, как правило, превращению современного философа, в массу своей, в «ментального клерка», «концепт-менеджера». Но есть ещё одна разновидность в области философии – после получения формальной степени её носители превращаются в «дяденек и тётенек в области философии». И нет соответствующих «фильтров» для препятствия проникновения в системы этой массы. А с другой стороны, нет механизмов, сдерживающих произвол, самодурство бюрократов от науки и образования. Современное сообщество переполнено обывателями и бюрократами, а философы, на основе навязанных алгоритмов, вместо интеллектуальной игры, ведут внутривидовую борьбу за выживание.

А.В. Малинов: В институте философии СПбГУ подготовка историков русской философии не ведётся. Около двадцати лет (до перехода на систему бакалавриат–

магистратура) студенты дневного отделения имели возможность специализироваться по кафедре истории русской философии, т.е. в течение трёх лет (с третьего по пятый курс) слушать ряд специальных дисциплин по ИРФ. Однако фактически специализация открывалась крайне редко, поскольку из-за личных и профессиональных особенностей человека, который руководил кафедрой, студенты, как правило, избегали специализации по ИРФ. Таким образом, главный изъян подготовки историков русской философии состоит в отсутствии такой подготовки. Руководство философского факультета (института философии) неоднократно выражало желание закрыть кафедру ИРФ, мотивируя своё намерение либо тем, что нельзя отделять русскую философию от общего историко-философского процесса, т.е. достаточно одной кафедры истории философии, либо стремясь посредством закрытия кафедры сократить общее количество преподавателей факультета. Пока эти планы не реализовались.

Сейчас студенты имеют возможность писать курсовые и выпускные квалификационные работы по ИРФ, т.е. проводить исследования под руководством преподавателей кафедры русской философии и культуры, но, кроме небольшого семестрового курса, других занятий с ними по русской философии не проводится. При такой системе обучения, если студент захочет стать историком русской философии, то должен заниматься, прежде всего, самообразованием. В СПбГУ нет и соответствующей магистерской программы. Руководство института философии заявляло о готовности рассмотреть вопрос о магистерской программе по ИРФ, но только на английском языке и ориентированной в первую очередь на иностранцев. Тем не менее даже в таких условиях встречаются талантливые студенты, способные к исследовательской работе и преподаванию в области русской философии. По моим наблюдениям за три десятка лет среди выпускников кафедры было три таких студента (1998, 2003 и 2007 г. выпусков), что является хорошим показателем, учитывая, что историк русской философии должен обладать как способностями философа, так и историка. Для будущего кафедры было принципиально важно удержать таких выпускников. К сожалению, только один из них сейчас работает доцентом кафедры. Два других выпускника состоялись в профессии. Первый из них работает профессором в другом ВУЗе, а второй преподаёт за границей. Правда, им пришлось сменить научную специальность. После ликвидации специализации по ИРФ практически не осталось возможности для воспроизводства исследователей и преподавателей русской философии. Межпоколенческие связи оказались нарушены, о формировании хотя бы подобия научной школы не приходится даже говорить.

Крайне редкие аспиранты, пишущие диссертации по ИРФ, по большому счёту предоставлены сами себе. Занятия, которые проводятся с ними, как правило, не имеют отношения к теме исследования. Только личная целеустремленность, способности, трудолюбие и опека научного руководителя могут сделать из аспиранта исследователя русской философии. Однако, если кто-то из них и остаётся в профессии, то чаще всего в дальнейшем вынужден корректировать свои научные интересы в зависимости от специфики той организации, в которой находит работу.

Исследования по ИРФ в России имеют отличия от изучения других школ, направлений и национальных традиций, поскольку дают больше возможностей для поиска новых и редких источников, позволяют работать на стыке нескольких исследовательских дисциплин и т.п. Историк русской философии в России, вероятно, должен обладать большими знаниями и навыками исторической работы, чем историк античной философии или философии Нового времени, изучающий их также в России. Перечисленные в вопросе вспомогательные исторические дисциплины не будут лишними для историка русской философии.

Н.И. Герасимов: Да. Лично мне не хватало источниковедения и архивоведения больше всего. Я думаю, что для историков русской философии эти дисциплины очень нужны. Если вы специализируетесь на философии М. Хайдеггера, то вам

нужно искать стипендию или просто деньги для поездки в зарубежные архивы. Если вы занимаетесь русской философией, то очень много архивных материалов здесь. Часто вообще не нужно никуда ехать. Студентам надо подарить возможность почувствовать, что это – работать с архивными источниками. Незабываемый опыт, когда ты попадаешь в архив и находишь (как тебе сперва кажется) то, что тебе нужно. Например, по философии П.А. Кропоткина. Потом выясняется, что это вовсе не рукопись Петра Алексеевича, а конспект его лекции, который кто-то писал, не подписал, по краям какие-то матерные комментарии, а всё датировано 1917 г.

В.В. Сидорин: Думаю, что это существенная проблема, пути решения которой, однако, мягко говоря, не очевидны из-за самой структуры философского образования, общей инерционности образовательной системы и того простого обстоятельства, что философское образование не может подстраиваться под нужды отдельно взятой дисциплины. Сообществу историков русской философии критически не хватает специалистов с навыками сугубо исторической и филологической работы, без чего просто невозможно привести отечественное философское наследие в порядок, представив его в достойном научно-академическом виде. Достаточно сказать, что львиную часть работы по академическому освоению ИРФ выполняют специалисты с базовым историческим или филологическим образованием, затем ушедшие в историю философии, а зачастую и профессиональные историки и филологи. Эти примеры хорошо известны. В результате мы имеем то, что имеем: практически нет полных академических собраний сочинений, до сих пор не освоены в должной мере архивы, – действительно научно изданы только единицы. И, к сожалению, ситуация такова, что выпускник философского факультета, желающий специализироваться по ИРФ, выходит со студенческой скамьи, не имея, как правило, даже базовых навыков, необходимых для подобной работы, и хоть сколь-нибудь приличного представления об архивах, текстологии и эдичионной технике. И эта проблема, на мой взгляд, критически важна для ИРФ как научной – а значит, и учебной – дисциплины. Комплексное академическое освоение философской мысли прошлого имеет не историко-мемориальное значение, а наоборот – оказывается необходимым условием её действительно творческой актуализации: только имея перед глазами скрупулёзно реконструированное наследие мыслителя в его тесном взаимодействии со своей эпохой и самим собой, можно обоснованно поставить вопрос о том, что и как из этого наследия может прозвучать и сегодня, а что крепко-накрепко привязано к давно ушедшему контексту. Когда-то отечественная философия существовала в рамках историко-филологических факультетов – по крайней мере, историкам русской философии не помешало бы восстановить эту связь.

К.В. Забелин: Да, более чем. Значительно проседает языковая база. И речь не только о «древних» языках – не самым выдающимся образом преподаются и «новые». Профессиональные навыки работы с источниками также приходится приобретать по крупицам, «учиться понемногу чему-нибудь и как-нибудь», а не системно.

Кроме того, как общий курс по истории философии, так и кафедральные спецкурсы и близко не учитывают всего богатства отечественной мысли. Конечно, это некая сверхзадача. Скажем, более-менее внятные объяснения, почему М. Бахтин – гений философской мысли, по моему опыту и опыту моих однокурсников, чаще слышны либо от представителей других кафедр (истории западной философии), либо от филологов. Почему историки русской философии так легко отдают это имя? Где кафедральные спецкурсы по Бахтину? Мне не довелось прослушать ни одного за почти уже 7 лет присутствия на факультете. Незаслуженно обходятся вниманием и другие гении. Правда, уже несколько в ином смысле. Бесконечно много говорится на всевозможных конференциях и круглых столах о значении А.Ф. Лосева. Но для студентов дойти до подобных мероприятий бывает затруднительно, а язык, на котором там излагаются лосевские мысли, нередко бывает

малодоступен для студенческой аудитории. Необходима адаптация на спецкурсах наследия Бахтина, Лосева и других «светил» для студенческой аудитории.

А.В. Шиндяпин: Введение таких курсов – хорошая идея, но о ней лучше думать в контексте определённого философского образования (в частности, потому, что учебные планы зачастую перегружены и не слишком гибки для обновлений) и с учётом интересов будущих историков философии (ведь, например, не все исследователи остро нуждаются в знании древних языков).

Н.А. Червяков: Почти полное отсутствие перечисленных курсов при подготовке историков русской философии (что отрицать не приходится) – это бич дисциплины, ставящий факт её научности под сомнение и превращающий её в «примитивную доксографию, имеющую к тому же черты житийных описаний»³. Если любое приличное (и научное!) изучение истории начинается с методологических дисциплин вроде источниковедения и текстологии, то, казалось бы, и ИРФ не должна быть исключением. Но обратившись к ней, обнаружим, что она-то и есть то самое скорбное исключение, которое только подтверждает правило⁴. Что касается древних языков, то об этом звере вообще мало кто слышал. Церковнославянский, древнерусский, старославянский – это что такое? А чтобы понять тот или иной памятник древнерусской книжности, знание не только этих языков, но и различных диалектов совершенно необходимо. Безусловно, при изучении русской философии этот крен в «идейную» сторону, сопровождаемый отсутствием исторической, филологической, религиоведческой базы, ни в коем случае не способствует обогащению научного содержания дисциплины. Кроме того, профессия историка – публичная, а потому требует курсов, которые бы разъясняли студентам, как взаимодействовать с публичными площадками, какие есть подводные камни, какие механизмы работают при этом, как развивать навыки работы в команде. Всё это необходимые элементы деловой среды, которые уже прочно закрепились и в современной науке.

6. Какие ещё проблемы и трудности в преподавательской и исследовательской практике, связанной с историей русской философии, Вам кажутся наиболее значительными?

В.Н. Порус: Главную, на мой взгляд, трудность я уже назвал. Все прочие, по видимому, производны от неё. Я упомяну те, которые очевидны, а какая из них важнее других, это каждый преподаватель или исследователь решит по-своему.

У нас все ещё нет академических изданий сочинений русской философской классики. Заглохло издание полного собрания сочинений Вл.С. Соловьёва, нет исчерпывающего собрания трудов Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского.

³ Плотников Н.В. Философия для внутреннего употребления // Неприкосновенный запас. 2002. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2002/2/filosofiya-dlya-vnutrennego-upotrebleniya.html> (дата обращения – 25.05.2023).

⁴ Другой аспект проблемы остроумно показывает А.П. Козырев: «Если же говорить о положении дел в обучении специалистов, то оно радует не более. История русской философии – одна из непопулярных дисциплин специализации. Заниматься ею идут либо очень сильные, либо очень слабые студенты. Последним предоставляется возможность тихо и “без напряжения” отсидеться на факультете до диплома, первые имеют достаточно хорошую личностную мотивацию, чтобы заниматься любимым предметом без понуканий, а иногда и без квалифицированной помощи со стороны преподавателей. Причина этого – не только в достаточно большом количестве “старых кадров”, которым сложно освоить новый обширный пласт непонятного для них материала, но и, видимо, в самом предмете. Студенту не видны горизонты, не ясен объём несделанного, неосвоенного, кажется, что “про Соловьёва и Бердяева уже все написано”. Да и охоч ли наш сегодняшний студент-философ до настоящей научной работы, связанной для историка русской философии с сидением в архивах и копанием в старых газетах и журналах?». См.: Козырев А.П. Русская философия: mode d’emploi // Неприкосновенный запас. 2002. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2002/2/russkaya-filosofiya-mode-d-emploi.html> (дата обращения – 25.05.2023).

За несколько последних десятилетий в этой области сделано немало, но эта работа велась рывками, группами энтузиастов (вспомним, например, многотомное собрание сочинений В.В. Розанова, которое было бы невозможно без усилий А.Н. Николюкина и руководимого им коллектива, или серию томов сочинений Г.Г. Шпета, также немислимую без самоотверженной работы Т.Г. Щедриной и группы её учеников и коллег). Многие произведения русских философов XIX–XX вв. переизданы в том виде, в каком они выходили впервые, т.е. были «возвращены» после долгих лет забвения или изгнания. Но систематического научного подхода к этим переизданиям до сих пор нет. Непочатый край работы – это переиздания или переводы трудов русских философов, выходявших за рубежом.

Хотя «литературоцентричность» русской философии признаётся чуть ли не её *differentia specifica*, нет систематического изучения последней, хотя у нас есть блестящие образцы от Л.И. Шестова до В.К. Кантора. Но образцы образцами, а направление исследований – это другое дело, оно должно быть более основательным и не зависеть от случая и моды. Тем более, что альянс художественной литературы и философии осуществляется и сегодня, хотя иногда принимает причудливые формы.

Когда современность становится историей? Не такой уж праздный вопрос. Его практический смысл в том, что процессы и события, происходившие в русской философии, казалось бы, совсем недавно, уже стали историческим прошлым. В этом смысле, наверное, можно говорить, что ИРФ второй половины XX в. уже ждёт своих исследователей, а они приходят медленно и редко. А в вузовские программы эта история и вовсе не заглядывает.

О мелких подробностях можно было бы говорить долго: о программах, исследовательских и издательских планах, о хрупких связях отечественных историков русской философии с зарубежными и т.д. Но поставлю здесь многооточие.

К.М. Антонов: Мне кажется, что одна из основных проблем – это состояние источниковой базы. У нас очень мало изданных на современном научном уровне *полных собраний сочинений* большинства русских мыслителей, даже первого ряда. Я имею в виду комментированные, сверенные по рукописям (по крайней мере, там, где это возможно), собрания сочинений, включающие все опубликованные работы конкретного автора, выстроенные в хронологическом порядке, а также максимально полно изданные его письма и значимые архивные материалы. Издания, созданные примерно по тем принципам, по которым создавались полные собрания сочинений великих русских писателей, прежде всего, Толстого и Достоевского. Опыт показывает, что организовать и довести до конца такое издание страшно трудно: собрать дееспособный, увлечённый коллектив специалистов, найти финансирование его работы, обеспечить преемственность от опытных исследователей к молодежи (потому что такое издание – как правило, труд многих и многих лет).

А ведь без такого издания любая, самая тщательная характеристика взглядов того или иного мыслителя, описание его духовного и интеллектуального становления неизбежно будет страдать приблизительностью. Я хочу воздать должное тем замечательным исследователям, как покойным, так и ныне живущим, кто начиная с конца 1980-х гг. переиздавал тексты русских философов, в советское время бывших предметом односторонней и пристрастной критики, кто издаёт архивные материалы, с ними связанные, публикует их переписку и прочее – благодаря им современная исследовательская работа и адекватное преподавание курсов русской философии вообще стали возможны. Тем не менее мне кажется, что сейчас выход на новый уровень требует большей системности и организованности.

В перспективе мне видится большой исследовательский центр, возможно, он должен объединять усилия Института философии РАН и ведущих университетских

кафедр, который осуществляет эту работу в тесной координации с различными исследовательскими коллективами. Такая работа, с одной стороны, конечно, должна финансироваться государством, но, с другой, она должна осуществляться на чисто академических началах, потому что только так она может быть действительно полезна русской культуре, реально служить её дальнейшему развитию, её осмыслению.

А.А. Тесля: Малочисленность современных общих обзоров, очерков русской философии какого-то конкретного периода или попыток простроить общую схему. Прежде всего – ориентированных на образованного читателя, не специалиста – и при этом исходящих, откликающихся на современные проблемы и сюжеты. Между специальным знанием и расхожим существует – нет, не пропасть, но очень существенная, труднопреодолимая дистанция. Ведь не случайно интересующийся обращается в первую очередь к тем же общим обзорам ИРФ, создававшимся в 1-ю половину XX в. – поскольку альтернативы этому, ему доступные, малочисленны. И, помимо прочего, это ещё и создаёт или укрепляет представление об ИРФ как о предмете, хронологически ограниченном и сверху, и снизу, завершающемся где-то вместе с авторами самих этих обзоров – выводом, например, почти всю советскую историю, не говоря уже о пост-советской, в нечто «другое», для чего и общего имени нет.

В.В. Ванчугов: Отсутствие больших (по охвату материала и времени) и индивидуальных историй русской философии. Прежние работы устарели, а коллективные поделки под гранты – не в состоянии справиться с такой задачей. Сформирована масса «специалистов» по продуцированию многочисленных текстов «в один печатный лист», создаваемый по строгому стандарту. В итоге, если судить только по публикациям, в нашем культурном ландшафте итогом борьбы на выживание стало доминирование «серой ментальной слизи», претендующей на финальную фазу ноосферного процесса. Также можно отметить отсутствие реальных профессиональных сообществ, научной над-, вне-институциональной кооперации. Ну и нежелание сообщества осваивать технологии, инструменты, которые появляются в новой информационной инфраструктуре. В завершение позволю себе некоторую образность, метафоричность, упрятав в неё формулу. Вместо апробации новых инструментов, которые появляются в наше время, многочисленные историки русской философии предлагают студентам, как в добрые и старые времена эпохи Гуттенберга, «грызть гранит» науки. В то время как в арсенале появляются инструменты, которые позволяют, среди прочего, и историкам философии, видящим в мыслителях прошлого «алмазы», заниматься их филигранной отделкой, огранкой, получая «бриллианты», благодаря чему мы получаем игру ментального света, особое духовное освещение, просвещение и прочее. Но пока в онлайн и офлайн аудиториях – облако «пыли», отчего возникает эффект «помутнения умов» у преподавателей отечественной философии, а у их слушателей формируется убеждение, что попали в ситуацию, которую можно обозначить как «сумерки просвещения». Так что нам необходимо, при всём бережном отношении к богатому интеллектуальному наследию, использовать новые приёмы и инструменты. Тогда прошлое станет актуальным, обновится материал, и на основе наследия, с учётом потребностей нового времени, русская философия превратится из коллективного воспоминания о золотом веке – в дела и проекты новых русских философов.

А.В. Малинов: ИРФ испытывает на себе всё те же проблемы и трудности, что и философское образование в целом. Введение ЕГЭ фактически уничтожило профориентацию по философии. Нет смысла скрывать, что философские факультеты отличались своей спецификой. Помимо случайных абитуриентов, которые попадают на любом факультете, на философские факультеты всегда подавали заявления и те, кто по разным причинам считал философию делом своей жизни. Нередко они поступали на факультет из года в год и становились уже хорошо известны

членам приёмной комиссии. Конечно, среди них было много чудаков, но попадались и действительно одарённые и мотивированные люди. ЕГЭ значительно снизил шансы на поступление таким абитуриентам. Теперь значительная часть студентов философских факультетов учится на них только потому, что «прошли по баллам».

В советское время на философском факультете ЛГУ существовали специализации, позволявшие студентам фактически пройти полный курс двух факультетов, например, философского и биологического, философского и физического. Такая система обучения доказала свою эффективность. Многие выпускники двойных программ обучения стали крупными учёными. Отчасти подтверждением ценности такой системы подготовки философов служил и положительный опыт вечернего отделения, на котором зачастую обучались студенты, уже имеющие высшее образование. Наличие базового (не философского) образования служит хорошей основой для занятий философией. С годами я всё больше убеждаюсь в том, что для философии лучше оставить вторую (магистратура) и третью (аспирантура) ступени образования, а философский бакалавриат упразднить. Если нынешняя система образования позволяет, то философскую магистратуру лучше сделать трёхгодичной. Для магистратуры по ИРФ предпочтительным может оказаться базовое историческое образование, хотя, конечно, вопрос приёма должен решаться индивидуально.

В Санкт-Петербурге государственным университетом, за исключением института философии, на других факультетах в институтах общий курс философии переведён в онлайн формат. Не вдаваясь в споры о том, насколько удачно его содержание и исполнение, отмечу, что сами студенты не воспринимают такую форму преподавания философии в качестве полноценного курса. Приведу пример из опыта преподавания ИРФ историкам. Задавая в ходе лекции вопросы аудитории, чтобы понять, насколько студенты-историки ориентируются хотя бы в элементарных разделах философии и апеллируя к тому, что они уже прошли общий курс, в ответ всегда получаю дружный смех. Студенты уточняют, что у них не было философии, а был онлайн-курс. Только после традиционного «живого» преподавания ИРФ студенты признавались, что получили представление о философии.

После отказа от философского специалитета в Санкт-Петербургском государственном университете сильно сократились часы по ИРФ. Курс стал односеместровым, вместо трёх семестров при специалитете. Из учебных планов дисциплина была исключена у психологов, экономистов, социологов, политологов. В магистерских программах ИРФ или близкие к ней предметы встречаются крайне редко и составляют скорее исключение, чем правило. Между тем расширение преподавания ИРФ могло бы содержательно обеспечить то направление, для которого сейчас искусственно создаётся новая дисциплина – основы российской государственности. Директивно «спущенный сверху» предмет преподавания рискует превратиться в догматическую идеологическую дисциплину, не способную осмыслить исторический путь, пройденный Россией и её многонациональным народом и дать ответы на те вызовы, которые встречаются в русской истории и современности. Русская философия имеет богатый и разнообразный опыт как осмысления, так и критики этих проблем. Более того, ИРФ, как и в целом философия, обращает студентов к критическому самостоятельному мышлению, а не к воспроизведению идеологических конструкций.

Отсутствие системы подготовки специалистов по ИРФ и отстранение кафедры, т.е. ближайшего экспертного сообщества, от обсуждения и участия в конкурсных выборах привело к тому, что формирование преподавательского состава кафедры не ориентируется на уровень профессиональной подготовки и исследовательские достижения претендентов. Кадровая комиссия, формируемая исключительно администрацией, в основном выполняет карательную функцию. В результате такого «отрицательного отбора» на профильной кафедре истории русской философии

составляют меньшинство. Общее старение преподавательского коллектива сказывается и на кафедре русской философии и культуры, так что самый «молодой» из историков русской философии давно разменял шестой десяток. Отсутствие молодых преподавателей русской философии является главным вызовом для кафедры; уже «потеряно» практически два поколения исследователей. Подготовка преподавателя к самостоятельному чтению курса по ИРФ и разработка такого курса занимает (условно) порядка десяти лет, из которых первые пять лет преподаватель ведёт семинары по истории русской философии, а затем пять лет «расчитывает» курс. Сохранение текущего положения может привести в будущем к проблемам с преподаванием курса русской философии.

Н.И. Герасимов: Больше всего в преподавании ИРФ не хватает мотивационной части – особой лекции, которая была бы посвящена тому, почему вообще эта область может быть интересна. Разработке этой части курса, на мой взгляд, нужно уделить особое внимание.

К.В. Забелин: Одной из немаловажных проблем мне видится ситуация с бакалаврским курсом по ИРФ, который фактически заканчивается на самом начале XX в. Иногда времени хватает, чтобы шагнуть в первую треть. Из поля зрения студентов в магистратуре выпадает целый пласт философской литературы Серебряного века, не говоря уже о советском наследии. Частично потребность в ознакомлении с этими контекстами закрывается спецкурсами, которые могут посещать и студенты других кафедр – не только ИРФ. Но до этих курсов слишком многие не доходят – по тем или иным причинам, в том числе из-за накладок в расписании. Да и невозможно «закрыть» одними спецкурсами или факультативами столь масштабный и богатый на имена и концепции период. Отсутствуют в сетке курсов и дисциплины, специально посвящённые новейшей русской философии. По крайней мере, хоть в сколько-нибудь собранном, композиционном виде. В итоге молодые люди просто теряют из виду русскую философию в XX в., не имеют о ней цельного представления, считают себя в моральном праве игнорировать её как явление. И, соответственно, не видят для неё места и в XXI в. Всё это существенно обедняет тот кадровый потенциал историков русской философии, который мог бы быть направлен на то, чтобы прорваться к некому возрождению в нашей дисциплине.

А.В. Шиндяпин: Мне кажется довольно значительной проблемой то, что в преподавании ИРФ объём изучаемого материала порой значительно превышает объективные возможности его внимательного изучения, возможности, ограниченные в первую очередь временем. В результате некоторые крупные философы изучаются бегло, а на обсуждение текстов, вызывающих оживлённые дискуссии (таких как «Три разговора...» Вл. Соловьёва), выделяется не более одного семинара. Конечно, всегда находятся семинаристы, готовые уклониться от учебного плана ради плодотворного обсуждения, однако это может приводить к тому, что в разных группах пройденный материал будет существенным образом отличаться. Решать проблему (которая, по моему мнению, актуальна для философского образования в целом) можно двумя путями. Первый – мы растягиваем учебный план (к примеру, отводим на изучение ИРФ не три семестра, а четыре). Этот путь прост по замыслу, но затруднителен в своей реализации (по крайней мере, на данный момент). Более перспективным я нахожу второй путь – мы организовываем курсы по ИРФ не вокруг имён, а вокруг проблем (не более 5–6 на один курс, причём желательно, чтобы эти проблемы были концептуально связаны между собой). Это позволит выстроить понятную всем нить обсуждения, которую легко удерживать в фокусе внимания и использовать для упорядочивания пройденного материала, создать почву для актуализации наследия русской философии и вызвать у студентов успокаивающее ощущение некоторой целостности (которое трудно обрести, если перебирать в уме разношёрстные произведения разных авторов, которые удалось прочитать за курс).

Я отдаю себе отчёт в том, что с моей позицией согласятся не все студенты и преподаватели. Когда я обсуждал второй путь с некоторыми студентами, специализирующимися на истории философии, они говорили мне, что для них эрудиция имеет ценность, даже если она не всегда хорошо упорядочена, что для них важнее познакомиться с многообразием философии даже тогда, когда оно с высокой долей вероятности забудется и не пригодится в собственных философских изысканиях, что они боятся узкого представления об изучаемом предмете, хотя при всём этом они признавали, что предлагаемый путь выглядит весьма полезным для развития российской философии и оптимизации процесса философского образования, и что их опасения и лежащие в их основе ценности разделяют не все студенты. На эти и похожие соображения я могу ответить следующее: узость, пугающая в предлагаемом пути, сильно преувеличена (те общие представления о некотором философе и его произведениях, которые выглядят столь важными в глазах студентов, о которых я упомянул выше, можно почерпнуть из лекций, а не из беглого анализа на семинаре), а расширять эрудицию можно благодаря курсам по выбору, факультативам и образовательным мероприятиям, лежащим за пределами учебного плана.

Н.А. Червяков: Безусловно, ещё одной важной проблемой в преподавании ИРФ является неотрафлексированность самой дисциплины. Погружение в предметную область должно сопровождаться предварительным метапредметным осмыслением, ответами на вопросы: что такое история философии? что такое история русской философии? есть ли она часть истории всеобщей философии? в чём вообще её особенность? Для студентов важно понимать, что такое история философии, в чём её ценность, прежде чем переходить к ней самой. Кроме того, работа историка философии предполагает некие жанровые ограничения – так мы пишем, а вот так не пишем; это научно, а это ненаучно; это достоверно, а это недостоверно. В качестве примера такого разграничения жанров можно привести книгу Р. Рорти «Историография философии: четыре жанра», где описываются четыре режима существования истории философии – рациональная реконструкция, историческая реконструкция, доксография и история духа, дополняемая ещё одним режимом – историей идей. Выбор между этими стратегиями историко-философской работы – необходимая часть становления историка философии, можно даже сказать – определяющая его дальнейшее существование в профессии. Однако, опять-таки, в данном случае должна пестоваться практическая способность выбирать и использовать все эти (и прочие) режимы в зависимости от поставленных целей.

Список литературы

Козырев А.П. Русская философия: mode d'emploi // Неприкосновенный запас. 2002. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2002/2/russkaya-filosofiya-mode-d-emploi.html>

Маяцкий М. Старшие братья по разуму. Лечим африканской философией комплекс русской исключительности // Логос. 1999. № 1. С. 11–18.

Плотников Н.В. Философия для внутреннего употребления // Неприкосновенный запас. 2002. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2002/2/filosofiya-dlya-vnutrennego-upotrebleniya.html>

The Problems of Teaching the History of Russian Philosophy in Higher Education

Konstantin M. Antonov – Doctor of Sciences in Philosophy, Head of Department of philosophy and religious studies of theological faculty. St. Tikhon's Orthodox University. 6 Likhov alley, Moscow, 127051, Russian Federation; e-mail: konstanturg@yandex.ru

Vasily V. Vanchugov – Doctor of Sciences in Philosophy, professor. Lomonosov Moscow State University. 27, bldg. 4, Lomonosovsky Av., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: vanchugov@gmail.com

Nikolai I. Gerasimov – Candidate of Sciences in Philosophy, leading researcher. Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad. 2 Nizhnyaya Radischevskaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: nickgerasimow@yandex.ru

Kirill V. Zabelin – graduate student of the Faculty of Philosophy. Lomonosov Moscow State University. 27, bldg. 4, Lomonosovsky Av., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: zabelin.k@inbox.ru

Aleksey V. Malinov – Doctor of Sciences in Philosophy, professor. Institute of Philosophy of St. Petersburg State University. 5, Mendeleevskaya line, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: a.malinov@spbu.ru

Mikhail A. Maslin – Doctor of Sciences in Philosophy, Head of the Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy. Lomonosov Moscow State University. 27, bldg. 4, Lomonosovsky Av., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: mmaslin@yandex.ru

Vladimir N. Porus – Doctor of Sciences in Philosophy, professor. National Research University – Higher School of Economics. 20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: vladimir-porus@yandex.ru.

Vladimir V. Sidorin – Candidate of Sciences in Philosophy, researcher. RAS Institute of Philosophy. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: vlavitsidorin@gmail.com

Andrei A. Teslya – Candidate of Sciences in Philosophy, senior research fellow, Scientific Director of Research Center for Russian Thought. Institute for Humanities. Immanuel Kant Baltic Federal University. 14 Aleksander Nevskii Str., Kaliningrad, 236041, Russian Federation; e-mail: mestr81@gmail.com

Nikolai A. Chervyakov – post-graduate student, Faculty of Philosophy. Lomonosov Moscow State University. 27, bldg. 4, Lomonosovsky Av., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation; senior research fellow. "The Losev House". 33, Arbat Str., Moscow, 119002, Russian Federation; e-mail: kola.cska2@mail.ru

Anton V. Shindyapin – graduate student of the Faculty of Philosophy. Lomonosov Moscow State University. 27, bldg. 4, Lomonosovsky Av., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: shindiapin.anton@yandex.ru

Mikhail V. Shpakovsky – junior research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: shpakomih@mail.ru

This text is a correspondence discussion about the problems of teaching the history of Russian philosophy in higher education. The experts were asked to answer six questions, reflecting, in the opinion of the editors, the main problems and conflict topics around the teaching of this academic and scientific discipline:

1. Has students' interest in the history of Russian philosophy changed in recent years (decades) and, if so, what are the dynamics and reasons for these changes?
2. The Russian philosophical "canon" (at least in the broad public consciousness) is built primarily around the history of social thought with supposedly key themes such as the problem of civilizational choice, the Russian idea, etc., as well as sophiology, sobornost and a number of other religious and philosophical concepts. Do you consider it necessary to transform or revise the "canon" and, if so, how exactly can it be revised?
3. In the historiography of Russian philosophy in the first half of the 20th century specific characteristics of Russian philosophical thought have been formulated, which, as a result, embedded both in the public consciousness and in teaching practice – the literary centrality of Russian philosophy, its panmoralism, inclination towards historiosophy, anthropocentrism, the primacy of religious philosophy, etc. Isn't such "mythology" an obstacle to adequate and actual perception of Russian philosophy? Isn't it a problem that the language of the modern history of Russian philosophy remains in many respects the language of self-description of Russian philosophy of the second half of the 19th – the first half of the 20th centuries?
4. Is it necessary to actualize the Russian philosophical heritage, to consider the history of thought in connection with the modernity, to "translate" the philosophers of past centuries into the language of modern philosophy? What could be the ways of this actualization?

5. Do you see the insufficiency of systematic training of historians of Russian philosophy in higher education: the lack of special courses (source studies, archival studies, textology, ancient languages, scientific commentary, etc.)? What other flaws in the system of philosophical education seem to you the most significant in the context of the problem posed?

6. What other problems and difficulties in teaching and research practice related to the history of Russian philosophy seem to you the most significant?

The answers to these questions can clarify and outline the ways of developing both the teaching of the history of Russian philosophy and the Russian historical and philosophical community as a whole. The discussion experts are not only the leading specialists in the history of Russian philosophy (from Moscow State University, St. Petersburg State University, Baltic Federal University, St. Tikhon's Orthodox University, National Research University Higher School of Economics, etc.), but also young teachers and researchers, as well as students of the Faculty of Philosophy of Moscow State University – thus, the reader can get opinions of both sides of the educational process and of different generations.

Keywords: history of Russian philosophy, historiography of Russian thought, problems of teaching, university philosophy.

For citation: Antonov K.M., Vanchugov V.V., Gerasimov N.I., Zabelin K.V., Malinov A.V., Maslin M.A., Porus V.N., Sidorin V.V., Teslya A.A., Chervyakov N.A., Shindyapin A.V., Shpakovsky M.V. Diskussiya “Problemy prepodavaniya istorii russkoi filosofii v vysshei shkole” [Discussion “Problems of teaching the history of Russian philosophy in higher education”], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2023, Vol. 1, No. 2, pp. 29–73. (In Russian)

References

Kozyrev, Aleksei P. Russkaya filosofiya: mode d'emploi [Russian Philosophy: mode d'emploi], *Neprikosnovenniy zapas* [Emergency Ration], 2002, No. 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2002/2/russkaya-filosofiya-mode-d-emploi.html>. (In Russian)

Mayatskiy, Mikhail. Starshie brat'ya po razumu. Lechim afrikanskoi filosofiei kompleks russkoi iskluchitel'nosti [Older Brothers in Mind. Treating the Complex of Russian exceptionalism with African Philosophy], *Logos*, 1999, No. 1, pp. 11–18. (In Russian)

Plotnikov, Nikolay S. Filosofiya dlya vnutrennego upotrebleniya [Philosophy for the Internal Use], *Neprikosnovenniy zapas* [Emergency Ration], 2002, No. 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2002/2/filosofiya-dlya-vnutrennego-upotrebleniya.html>. (In Russian)